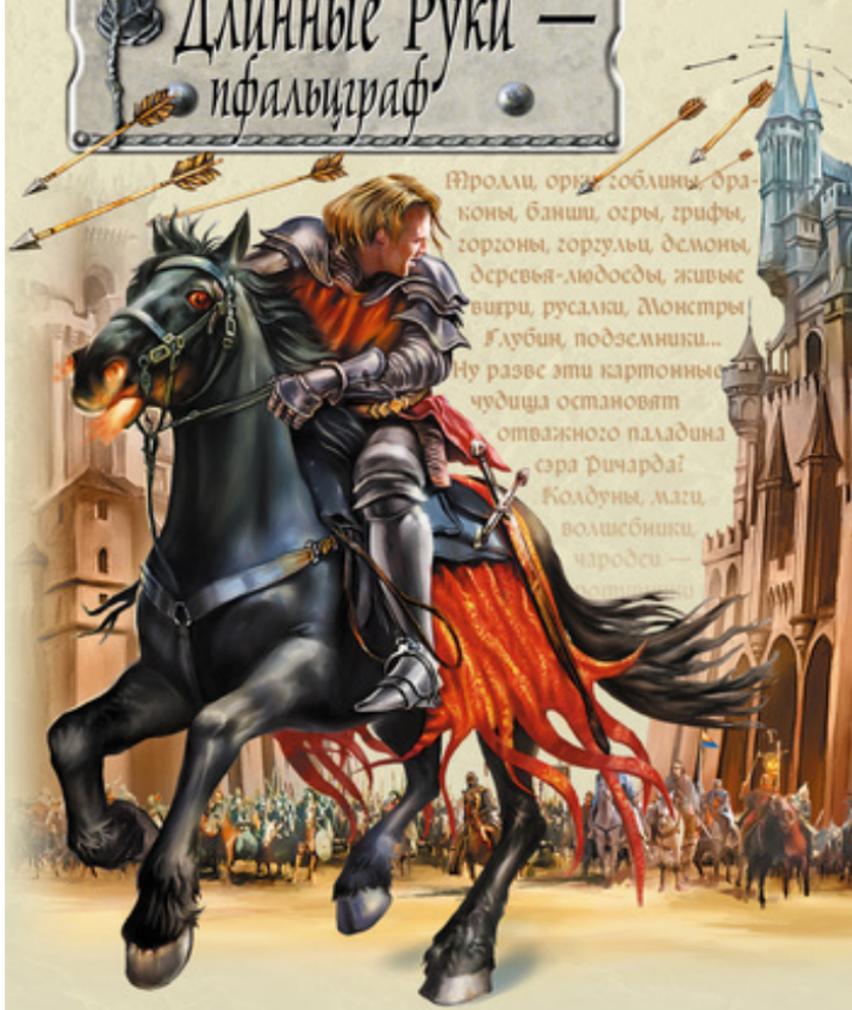

Гай Юлий Орловский

Фич@рд

Длинные Руки —
пфальцграф

Тролли, орки, гоблины, драконы, баниши, огры, грифы, горгоны, горгульи, демоны, деревья-людоеды, живые витри, русалки, Монстры Глубин, подземники... Ну разве эти картонные чудища остановят отважного паладина сэра Ричарда? Колдуны, маги, волшебники, чародеи —

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – пфальцграф
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 13

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143180
Ричард Длинные Руки – пфальцграф: Эксмо; 2007
ISBN 5-699-19952-7*

Аннотация

Тролли, орки, гоблины, драконы, банши, огры, грифы, горгоны, горгульи, демоны, деревья-людоеды, живые вихри, русалки, Монстры Глубин, подземники... ну разве эти картонные чудища остановят отважного паладина сэра Ричарда?

Колдуны, маги, волшебники, чародеи – противники посерьезнее, но доблестный рыцарь Ричард не прост и тоже кое-что умеет.

Но когда на пути женщина... здесь не пройти и отважному сэру Ричарду. Возможно, не пройти...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6	74
Глава 7	84
Глава 8	94
Глава 9	106
Глава 10	123
Глава 11	139
Глава 12	152
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – пфальцграф

Часть 1

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Длинные Руки —
и фальцграф

Глава 1

Багровый свет факелов метался по стенам крепости, отбрасывая угольно черные тени. По щитам и доспехам отсвечивали зловещие огни. Пятеро стражей торопливо оттащивали павшую лошадь, Барбаросса смотрел на измученную леди Беатриссу исподлобья. Великое изумление на лице медленно уступало место монаршему гневу. Быстро взглянул на меня, на обалдевший народ, прорычал низким глухим голосом рассерженного льва:

– Да уж... Стефэн, Килпатрик, отведите леди в северную башню. И обеспечьте надежную охрану.

Стражники круто развернулись и повели-потащили пленницу через двор. Барбаросса с гневом и все с тем же изумлением смотрел ей вслед.

– Это же сколько коней загнала, чтобы успеть?

– Хозяйственный вы человек, Ваше Величество, – сказал я зло. – Лошадок пожалели.

– А тебе их не жалко?

– А вам – леди Беатриссу?

Он хмуро хмыкнул:

– Сэр Ричард, я в первую очередь – государь. Хороший государь и собак бездомных жалеет. Если все остальное у него цветет.

– У вас пока далеко не все цветет и пахнет, – напомнил

я. – А леди Беатрисса... по меньшей мере – человек.

Он буркнул:

– Ну да, а паладины в первую очередь защищают дураков и женщин, а потом уже всяких там людей.

– Детей и женщин, – поправил я. – Дети и женщины – будущее любого вида. И то, что себя едва не загнала, могли бы заметить и чуть раньше.

Подошел запыхавшийся Уильям Маршалл. По лицу советника короля я понял, что он все видел и все понял. Барбаросса бросил ему коротко:

– Проследи, чтобы было все... как у знатной леди. Но охрану поставь, сам знаешь, ребят понадежнее.

Маршалл спросил с интересом:

– Вы думаете то, что и я?

– Это же очевидно, – отозвался Барбаросса раздраженно. – Она спасла шею этого... гм, этого от петли, теперь уже ничто не мешает ей ускользнуть. Сейчас, правда, едва жива, но отоспится, будет готова на любые выходки. Когда-то я был знаком с одной такой... до сих пор заноза в сердце. И не вытащить.

Маршалл посмотрел на меня со странным выражением в глазах, но ответил королю:

– Понимаю. Но об этом не стоит вслух, а то если Алевтина узнает...

– Это было давно, – буркнул Барбаросса.

– К прошлому нас тоже ревнуют, – сказал Маршалл, по-

вернулся ко мне: – А на вас, сэръ Ричард, и не взглянула!

– Ну и что? – ответил я с раздражением.

– Странно как-то.

– Ерунда, – возразил я, потому что оба смотрели на меня и ждали хоть какой-то реакции.

– Да, – согласился Маршалл, – такая ерунда, что я даже не знаю... И не понимаю. Она мчалась через такие опасности, чтобы спасти вас от петли, взамен подставив под петлю свою нежную шею... но на вас даже не посмотрела! Я пожал плечами:

– Здесь много красивцев. Куда мне.

Мои губы что-то говорили еще, глаза вроде бы улыбаются, хотя и сомневаюсь, что улыбаются, я разводил руками, кланялся в нужных местах, но настоящий я мечусь в великом смятении внутри черепа и не понимаю, что теперь. Сейчас, по мнению леди Беатриссы, король не станет меня вешать: мое задание так или иначе выполнено. Она в руках короля, а доставлена хоть и не лично мной, но благодаря мне. Так что я от петли спасен. А вот она...

Барбаросса взглянул на меня, толкнул в бок.

– Что, в ступоре?.. Я тоже. Такой позор.

– В чем? – спросил я тупо.

Он скривился.

– Доблесть и самопожертвование всегда были нашей привилегией. Привилегией мужчин. Нет, даже рыцарей!.. А тут вдруг женщина.

Маршалл сочувственно хмыкнул:

– Да, она в дерьмо всех нас втоптала. Отойти мне, что ли, от вас подальше, Ваше Величество?

– Отходи, – хмуро разрешил Барбаросса. – Вообще-то унизила своим благородством только нас с сэром Ричардом. Да еще так, на виду у всех, зараза... Теперь о ней пойдут восторженные рассказы, менестрели состряпают баллады... где она вся в белом, как говорит сэр Ричард, а мы... соответственно, в коричневом.

Маршалл добавил ехидно:

– ...а еще король будет горбатым карликом с окровавленными когтями после поедания младенцев.

Я смолчал, мне как-то плевать, что менестрели мало обращают внимания на правду жизни. Искусство правдивее, чем какая-то там жизнь. А народ учится истории не по летописям, а по всяким там операм типа «Князя Игоря» да «Ивана Сусанина».

Через четверть часа меня настойчиво пригласили в королевские покои. Сэр Стефэн сопровождал, весь из себя почтительность, но глаза горят любопытством, поглядывает искательно, самому спросить неловко, но вдруг я да восхожу что-то прояснить.

Я не восхотел и даже не изволил. Дверь в покои распахнули уже без задержек, я вошел быстро, король стоит лицом ко мне, наклонившись и упершись в стол обеими руками. Во

всю столешницу расцветенная карта, я успел увидеть зелень лесов и синие вены рек.

Барбаросса поднял голову, поморщился:

– Что-то ты сник, братец... Всегда свеженький, аки корнишон, а сейчас, как в воду опущенный...

– Злорадство – грех, – сообщил я. – Смертный.

– Ну так уж и смертный...

– Или почти смертный, – уточнил я, так как никак не запомню что входит в этот достаточно короткий перечень. – Во всяком случае недостойный государя, который у карты мира бдит и мыслит о человечестве.

– Чего-чего? – переспросил он с недоумением. – Это о каком таком человечестве? Я что, совсем дурак? Мне бы свое королевство сделать богатым, а человечество мне...

– Не продолжайте, Ваше Величество, – прервал я. – Государственные деятели такого масштаба не должны произносить такие слова.

– Какие?

– Которые вы хотели изречь, – сказал я злорадно.

Он отмахнулся, подошел к креслу. Меня кольнуло острой жалостью: король, усаживаясь, оперся о спинку рукой, как бы не доверяя ногам. И тут же я вспомнил, что Барбаросса и встает так же: либо обопрется обеими руками о край стола, помогая мышцам ног поднять грузное тело, либо придержится за спинку кресла.

– Карты смешаны, – проговорил он, – я не этого ожидал.

Да и ты, думаю.

– Точно, – признался я. – Не ожидал.

– Что делать будешь?

– Юг, – напомнил я. – Меня ждет Юг.

– Знаю, – ответил он глухо, голос звучал надтреснуто и безнадежно. – Тогда посоветуй хоть на прощанье...

Я удивился:

– Советовать? Королю? Я не такой дурак!

Он нахмурился:

– А при чем тут король? Уильям же советует мне.

– То Уильям. Он даже старше вас, Ваше Величество. А мои советы будут отвергнуты уже на том основании, что я – сопляк желторотый.

Он покачал головой:

– Ты не желторотый. Кто бы из желторотых смог бы такое... Но что с леди Беатриссой? Впрочем, с нею все ясно. Брошу в темницу, а там либо сама помрет, либо тюремщики ее... скажем так, прикончат. Но она, сволочь, бросившись спасать тебя... уж и не пойму зачем, там наверняка оставила достойную замену. Мне было бы даже лучше, если бы осталась в замке. Думаю, стратег из нее не такой блестящий, как ее внешность, обычно как раз наоборот... но если оставила замок на графа Росчертского или графа Глицина? Я даже не представляю, как подчинить те области. А если, упаси Господи, на самого Ришара де Бюэя? Это же лучший полководец! У него под началом рыцари, что недавно отличились,

с малым гарнизоном защищая замки Донтерс и Лакстер, когда к ним подступили войска короля Гиллеберда.

Лицо его осунулось, глаза запали, а сухой блеск подсказал, что король либо далек от выздоровления, либо его сжигают государственные заботы.

– Ричард, – сказал он неожиданно, – ты едешь на Юг. Едешь через владения Сворве и Коце. Они, кстати, твои, если ты еще не забыл.

Я кивнул и ответил язвительно:

– Вы мастер делить шкуры неубитых медведей, Ваше Величество.

Он понял, нахмурился:

– Сам виноват. Ты был уже там. Мог бы как-то... взять власть в свои руки. Но все бросил, как раздуваемый благородством юнец... что, не угадал? Прости, ты в самом деле очень юн, но когда вижу твою статью, а особенно – твои поступки, то иногда считаю тебя взрослым и умудренным больше, чем все мои советники. А потом снова вижу дурного юнца.

– Я скромный, – ответил я, – и крайне деликатный. Поэтому не скажу, каким вижу вас, Ваше Величество. Даже не намекну. Я понял только, вам не хочется, чтобы я попал на Юг. Вам почему-то жаждет, чтобы мои косточки остались белеть перед стенами замка леди Беатриссы.

– Почему же белеть? – удивился он. – Благородных противников хоронят обычно весьма достойно. Я уверен, что

вас закопают даже с пением священников.

– А что будут петь? – поинтересовался я.

– А что вы хотели бы послушать? – уточнил с готовностью Барбаросса.

Я поймал себя на том, что мы смотрим друг на друга, как сквозь щели опущенных забрал.

Ночь с вечера не по-осеннему теплая. Глаза долго не хотели привыкать к темноте, я чувствовал себя слишком опустошенным, чтобы настоять на добавочном зрении, и тупо пялился в черноту. Над головой мелькали, часто-часто проскакивая в щели между быстродвигающимися облаками, тусклые звезды. Ветер подул уже холодный, осенний, но в замке такая напряженная тишина, что я отчетливо слышал, как на дальнем озере то квакают, то заходятся длинными трелями всегда бодрые лягушки.

В коридоре навстречу попала служанка, молоденькая, но суровая. Алевтина ревниво не позволяет держать поблизости к королю хихикающих и строящих глазки. Я перехватил ее оценивающий взгляд, удивился, с чего бы, но протянул руку к двери в свою комнату, лишь потом спросил:

– Что-то случилось?

Она слегка присела в поклоне:

– Пока для госпожи Беатриссы подготавливают северную башню, Его Величество милостиво распорядилось поместить ее на одну ночь в ваши покои.

– С какой стати? – вырвалось у меня гневное.

– Это не надолго, – сказала она торопливо. – Только на эту ночь. Если бы леди изволила прибыть утром или хотя бы днем, все бы успели прибраться...

Я стиснул челюсти, толкнул дверь. Если подспудно и ожидал увидеть вызывающий взгляд фиолетовых глаз, то жестоко ошибся. Беатрисса лежит на постели, свернувшись в комок. Я тихонько подошел ближе, тут же сообразил, что если бы я въехал даже на Зайчике, вряд ли заметила бы. Даже, если бы по комнате носился табун диких коней.

Лицо сильно осунулось, высокие скулы заострились, это же сколько суток она неслась по тайным тропам, меняла коней, не спала и не ела, спеша успеть, успеть спасти мою шею от виселицы... Но и сильно исхудавшее лицо во сне выглядит прекрасным и таким по-детски беспомощным, что сердце защемило. Я невольно убрал с ее лица прядь волос, чтобы не щекотала нос, укрыл одеялом.

Вообще-то могу несколько суток обходиться без сна, есть у меня и такой дар, но потом за это приходится расплачиваться, так что я тихонько разделся и влез под одеяло. Натруженные мышцы гудят, я с наслаждением вытянул ноги. Беатрисса пробормотала что-то во сне, я прислушался, но не разобрал.

Пока я лежал, уставившись в потолочную балку, Беатрисса проворчала что-то совсем сердито, повернулась ко мне и уткнулась коленями. Я задержал дыхание, она некоторое

время лежала, тихо посапывая, но коленям неудобно, закинула одну ногу на меня и, пробормотав что-то удовлетворенно, заснула еще крепче.

Я прислушивался к странному покою, что охватил меня от кончиков ушей до пальцев ног. Ее тело разогрелось, от заброшенной на меня ноги идет жар и проникает в мои внутренности, однако скабрзные мысли мелькают, мелькают и... уступают другому чувству, более мощному, что для меня вообще-то вроде не свойственно. Я чувствую себя защитником слабой спящей женщины, а это едва ли не более важная задача мужчины: охранять женщину.

Нога ее на мне мелко-мелко задергалась, то ли во сне все еще скачет, то ли бежит от чего-то злого и страшного. Я услышал тихий стон, полный ужаса, невольно протянул руку и тихонько погладил по голове. Стон сразу оборвался, нога перестала дергаться, а Беатрисса пробормотала что-то довольно, словно злая тварь в испуге убежала, вздохнула и, вскинув руку, обняла меня за шею.

Я застыл, страшась сделать лишнее движение. Если эта надменная дурочка проснется, она тут же обвинит меня в попытке изнасилования – как же пленниц всегда насилюют! – но она посопела довольно, ко всему еще и голову положила сперва мне на руку, а потом и вовсе на плечо, заснула уже без подергивания лапок и жалобного повизгивания.

От ее тела пахнет просто волшебно, посапывает тихо-тихо, но прямо в ухо, а рукой держится за меня, как за дере-

во, с которого боится свалится. Пышной грудью прижалась к моей груди, мне всегда казалось, что ее грудь буквально вырезана из бука и покрыта лаком, но сейчас, разогревшись, она стала мягкой и податливой, как и все ее горячее тело.

Лежать становилось все труднее. Я решил встать и уйти к Стефэну или Килпатрику, но едва шевельнулся, она придержала меня за шею и пробормотала что-то в ухо сердито и требовательно. Я выждал, сделал еще пару попыток, но всякий раз она вцеплялась в меня, словно это не я вверг ее в цепь несчастий, а наоборот, я от них защищаю.

«Ладно, – сказал я, – спи. Я принес тебя беду, я постараюсь как-то и загладить ее».

Глава 2

Под утро я заснул, сны посетили легкие и волшебные. Парил в небесах, чувство восторга не оставляло ни на минуту. Даже проснулся с глупой улыбкой и пару минут лежал, не веря своему счастью: прелестная головка леди Беатриссы по-прежнему на моем плече, обняла рукой и так высоко забросила на меня согнутую в колене ногу, что, если вытяну губы трубочкой, смогу поцеловать.

Кольнул страх, что если пробудится, то ощутит вину, хотя во сне трудно себя контролировать, начал выползать из-под нее. Она недовольно бурчала и цеплялась, не желая отпустить такую теплую и удобную подушку.

Оделся я уже в коридоре, двое стражей насмешливо поглядывали от лестницы, но едва я сделал свирепое лицо, поспешно отвернулись.

У лестницы, как чертик из коробки, выскочил сэр Стефэн. Я сразу увидел, что он поджидает, хотя простодушный рыцарь сделал вид, что просто мимо проходил и остановился поговорить со стражами. Я поприветствовал и хотел топать мимо, как сэр Стефэн вскрикнул поспешно:

– Да, сэр Ричард! Только сейчас вспомнил... Его Величество изволили повелеть, что как только увижу вас, чтобы со всей любезностью пригласил к нему.

– Ого, – сказал я. – Что это с Его Величеством? Нет что-

бы разбудить пинком, поставить по стойке «смирно» и повелеть... изречь свою монаршую волю...

Он вскрикнул шокировано:

– Сэр Ричард, как вы можете?.. Вы же гость, Его Величество так и сказали даже вслух.

– Ух ты, наконец-то...

– Так вы идете, сэр Ричард?

– Прямо щас?

– Да, Его Величество сказали, чтобы вас не тревожить, когда освободитесь... гм... Его Величество хотели бы вас видеть.

Я буркнул:

– А что на меня смотреть? Я такой же, как и вчера.

Он развел руками:

– Наверное, что-то и сказать хочут. Важное.

– Как же, – сказал я саркастически, – короли всегда говорят только важное. Пойдем-пойдем.

Барбаросса выглядит усталым, я покрутил головой, раньше он и поздно вечером оставался свежим и бодрым. Похоже, благополучное королевство тоже достигает какого-то периода развития, когда должны происходить какие-то гадости, вежливо именуемые болезнями роста.

– Доброе утро, Ваше Величество, – сказал я, кланяясь преувеличенно почтительно, даже как бы в ужасе перед его устрашающим королевским величием. – Все в заботах о

судьбах мира?

Он зло огрызнулся:

– Я же сказал тебе, что мне до твоего мира... Ты садись, тут никто не увидит, какая ты свинья. И что не чтишь старших. Вот ты считаешь, что я не прав. Но посмотри, что получилось из твоей правоты. Ты не захотел принять те владения под свою руку, так? Теперь и леди Беатрисса потеряла их, никто ей не простит такой сумасбродной выходки. Ишь, вздумали благородством меряться! Ее владения сейчас станут ареной жестоких схваток...

Я сказал с неудовольствием:

– Наверняка она оставила свой замок на Саксона. Он из верных служак. Старый солдат, не предаст, будет стоять на смерть. А как охранять замок, знает. Солдаты ему преданы.

– Он не из знатного рода? – спросил Барбаросса. – Вот видишь. На ее владения будут претендовать все, кто имеет хоть малейшее родство с родом Бражелленов! А их будут поддерживать те, кому это выгодно. Разгорится кровопролитная война всех против всех...

– Что Вашему Величеству на руку, – сказал я ядовито.

– В какой-то мере, – признал он. – Противник ослабеет, ему будет не до меня. А мне потом, когда соберусь с силами, проще будет добить остатки истекающих кровью и установить там свою власть.

– Дважды два – четыре, – согласился я.

Он посмотрел с неудовольствием:

– Тебе, конечно, в голову не может прийти, что мне вовсе не безразлично, льется там кровь или нет. Все-таки это мои люди, а государя недаром именуют отцом королевства. Как отцу мне предпочтительнее видеть не сожженные села и заваленные трупами поля, а цветущий край, сытых крестьян... Я – настоящий король!

Я полюбопытствовал:

– А что есть настоящий?

Он сказал раздраженно:

– Правитель, который благополучно миновал детский драчливый возраст. Теперь мне куда важнее не сколько народа я извел в битвах, а сколько накормил.

Я помолчал, Барбаросса в чем-то настоящий Аттила, в чем-то Ричард Львиное Сердце, но иногда говорит так здраво, словно в нем просыпается дальновидный и расчетливый политик. Любой политик старается накормить подданных, это залог его благополучия, залог притока гастарбайтеров из других королевств, а среди этих перемещенных лиц будут не только купцы и крестьяне. Многие знатные рыцари предпочтут принести вассальную присягу именно такому государю. То есть быть хорошим королем еще и экономически выгодно.

Он наблюдал за мной из-под приспущенных век. Я злился молча, наконец он сказал решительно:

– Сэр Ричард, вы просто обязаны отправиться туда и принять те земли под свою руку. Только вы сможете... гм, может

быть, остановить кровопролитие, а оно вот-вот вспыхнет.

Я сжал челюсти так, что выступили желваки.

– Ваше Величество, вам важным кажется одно, мне – другое. Я понимаю, с точки зрения короля, как в той песне: сначала думай о Родине, а потом – о себе, но от того королевства остались только песни, а люди думают все-таки прежде всего о себе, своем желудке и своих гениталиях.

Он сказал веско:

– Я что, не даю тебе отправиться на Юг? Но ты можешь отправиться туда, будучи полновластным властителем земель от Хребта и до владений самого графа Глицина!.. С них поступают такие доходы, что тебе и на Юге не покажется мало. К тому же на Юге весьма чувствительны к титулам.

Я насторожился:

– К титулам?

Он кивнул:

– Несмотря на все тайны, которые так сохраняет Юг, мы хорошо знаем, что и там сервы – это сервы, а дворяне – дворяне. И чем человек знатнее – тем больше ему позволено.

– Я граф, – напомнил я.

Он чуть помрачнел:

– Упрекаете, что я дал лишь виконта?.. А потом барона?

Я покачал головой:

– И в мыслях того не было. Но графский титул – разве мало?

– Нет, – ответил он все еще недовольно. – Для Юга важ-

нее, подтвержден ли ваш титул обширными землями. Это у нас граф всегда выше виконта, а на Юге выше все-таки тот, у кого больше земель, городов, сел...

Он говорил со знанием дела, я подумал, что так и должно быть, все-таки Юг более продвинут по части прогресса. Значит, именно там быстрее наступит время, когда богатство будет решать все даже без привлечения титулов. И простолюдин, если он несметно богат, станет выше герцогов и всяких графьев, как простолюдин Билл Гейтс богаче и влиятельнее принца Монако, короля Швеции и королев Испании и Англии, вместе взятых.

В зал заглянул Уильям Маршалл, Барбаросса сделал нетерпеливый жест, Уильям покачал головой и отступил, плотно закрыв дверь.

Барбаросса вздохнул:

– Уильям – прекрасный канцлер. Хорошо понимает людей, мудрый человек... но его одного мне мало. Еще бы таких десятков! Мы бы...

Глаза его загорелись, я посмотрел на стиснутые кулаки и спросил тихо:

– Что?

Он выдохнул, сказал уже другим голосом:

– Не то, что ты подумал. Он тоже миновал возраст турнирных побед. Нам обоим хочется, чтобы мы стали самыми богатыми. Чтобы у нас цвела торговля, чтобы открывались школы, строились дворцы... Тебе этого не понять, тебе еще

подраться хочется!

– Да уж, – буркнул я, – так хочется, так хочется, что прямо по ночам не ем.

Он поднялся из-за стола:

– Раз заговорил про еду, пойдем. Там уже накрыли столы. Перекусим, подумаем, послушаем народ.

– Да, – согласился я. – Очень мудро советоваться с простым народом: всякими там графами, баронами, маркизами, виконтами...

Он важно кивнул, и моя шпилька, жалобно звякнув, упала на пол, так и не пробив толстую королевскую шкуру. Мы вышли из покоев, которые я упорно называл кабинетом. Часовые бодро грохнули тупыми концами копий в пол, вытянулись. Морды сытые, лица преданные.

– Благодарю за службу, – сказал я громко.

Они проревели дружно:

– Рады стараться... Ва... ва...

Голоса их в растерянности оборвались, Барбаросса зло зыркнул, для него это глумление над священными ритуалами, но смолчал. Мы пошли навстречу шуму и гвалту из распахнутых дверей большого зала. За двумя длинными столами все едят и пьют, не дожидаясь короля, это нововведение Барбароссы. То ли хочет понравиться «простому народу», то ли наплевать на сложный церемониал, упрощает, где может.

Алевтина, высокая и величественная, как валькирия, сидит рядом с пустым королевским тронem в таком же кресле

с высокой спинкой, с мягкой улыбкой выслушивает комплименты от двух представителей простого, даже совсем простого народа. Такой же заученной улыбкой встретила и супруга, что Барбаросса, как государственный деятель, вряд ли оценил.

Я сел на оставленное мне место, не среди близких к королю людей, а как бы даже в оппозиции: по ту сторону стола. Мясо подали, как ни странно, мягкое и хорошо прожаренное, словно и не для свирепых мужчин, а для слюнтяев с расшатанными зубами, затем рыбу без костей, похожую на кистеперую, которая латимерия. За столом шум не меньший, чем при взятии ворот замка, а ножи, расчленяя зажаренных целиком оленей, звякают так же, как во время битвы. Но в какой-то момент все стихло, я видел как мужчины застывают, замирают ножи, нижние челюсти опускаются так же, как и ослабевшие руки. Я проследил за их взглядами: по лестнице в обеденный зал спускается леди Беатрисса.

На мужских мордах, что стали почти человеческими, проступило некое мечтательное выражение, одинаковое как для молодых рыцарей, так и для старых. Смотрят зачарованные, а леди Беатрисса со ступеньки на ступеньку царственно, совсем не пленница, а королева этого дворца. Даже Алевтина засмотрелась на нее сперва с любопытством, потом с откровенной симпатией и восторгом.

Голубое платье ниспадает до пола, узкий золотой пояс перехватывает тонкую талию, золотые волосы крупными локо-

нами падают на плечи и на спину. Рядом со мной у рыцаря открыт рот и на лице такое выражение, словно увидел ангела.

– Волшебная принцесса, – прошептал кто-то за спиной.

– Хозяйка фей, – ответил другой голос, такой же восторженный. – Господи, ну почему я женат!

– А вот я нет, – сообщил кто-то злорадно.

– У нее отобраны все земли, – предостерег некто.

– Плевать, – ответил грубый голос. – У меня своих хватает! А вот такого сокровища...

Леди Беатрисса сошла с последней ступеньки и остановилась, спина прямая, взгляд устремлен на короля, но и на него она ухитряется смотреть, как на пустое место. Я подумал, как же ей страшно, каких усилий стоит сохранять осанку, не дрогнуть ни одним мускулом на лице, выдавая панику. Поистине, ее гордость родилась раньше ее самой, что значит двенадцать поколений знатных предков.

Рыцари бросали на короля нетерпеливые взгляды. Какой-то осанистый граф даже приподнимался дважды, готовый броситься навстречу бегом и привести ее к столу, однако у нас не простолюдины пируют, каждое слово и каждый жест весомы. Барбаросса все медлил, оглядывал всех с угрюмой подозрительностью, наконец прорычал, как лев, пожирающий антилопу:

– Сэр Ричард!

– Я здесь, Ваше Величество, – ответил я смиренно.

– Вы, как упустивший леди Беатриссу в своих владени-

ях... возможно, сумеете поймать ее здесь? И даже приведете за наш королевский стол?

За столом захохотали. Если для них привести эту волшебную женщину кажется честью, то для меня – унижением. Я стиснул челюсти, поднялся, злой и нахмуренный, но пока обходил стол, мелькнула неожиданная мысль, что король таким образом защитил меня от завистников.

Я подошел к леди Беатриссе, она вскинула голову и посмотрела мне в глаза. «Это ты виноват, – сказал ее взгляд. – Это ты виноват...» – «Да, – ответил я взглядом, – это я виноват».

Она замедленным движением подала мне руку, словно не уверенная, что я приму, я так же строго и чинно, не делая поспешных движений, принял, и мы пошли к столу, глядя только перед собой. За столом затихли, я тоже выгляжу странно, мы остановились перед королем, он прорычал зло:

– Сэр Ричард, надеетесь свалить свои неудачи на меня? Нет уж, ведите и сажайте рядом с собой.

Рыцари заулыбались, задвигались, да, в самом деле, это выглядит не как честь, а как наказание, стоит только посмотреть на мой вид. Я повел леди Беатриссу дальше, ее место таким образом оказалось совсем близко от короля, только стол и разделяет нас, леди Беатрисса дождалась, когда я выдвину кресло, подошла, я усадил и сел рядом.

Все это мы проделывали, как куклы, что разыгрывают сложную пантомиму. Я видел восторженные взгляды, меня

уже не замечают, я со счетов сброшен. Все рассматривают леди Беатриссу так, что я только за эти взгляды всех их бил бы простой дубиной до тех пор, пока весь зал не заполнился бы плоским подрагивающим мясом толщиной с блин.

Она смотрела прямо перед собой, такая хрупкая и беззащитная, но взгляд прямой, спина ровная, только смертельно бледные щеки выдают ее сильнейшее волнение. Сердце мое разрывалось от тоски и желания сказать, сообщить, уверить, что никто ее не обидит, здесь рыцари и мужчины, никто не посмеет промолвить грубое слово...

В зал начали входить слуги с широкими подносами в руках, в ноздри шибанули пряные ароматы. За столом началось вялое оживление, большинство взглядов все равно приковано к лицу прекрасной пленницы.

Барбаросса острым взглядом окинул собравшихся рыцарей из-под насупленных бровей. Он выглядел грозным и беспощадным даже больше, чем есть на самом деле. Аксиома, что люди низкие любое проявление великодушия расценивают как слабость, потому король должен в первую очередь выглядеть именно беспощадным, чьи приказы не обсуждаются.

– Я изволил напомнить, – проговорил он свирепо, – что мои решения – закон. Я в свое время отдал владения изменника барона де Бражеллена своему верному... да, верному рыцарю, Ричарду Длинные Руки. И от того, что леди Беатрисса явилась в наш королевский замок, ничего не измени-

лось... как бы некоторым этого ни хотелось. Сэр Ричард отправится в свои владения и объявит их своими.

Я чувствовал, как леди Беатрисса едва заметно вздрогнула. Сердце снова кольнула жалость, я произнес тихо:

– Вам положить кусок вон того удивительного карпа?

– Нет, – ответила она сквозь зубы.

– Тогда немного оленины?

– Нет.

– Зайчатины?

– Нет, – ответила она холодно.

– Вы устали и проголодались, леди Беатрисса. – Я ощутил с ужасом, что произношу глупые никчемные слова, я сейчас действительно... в коричневом, и ничем не отличаюсь от простых людей, у которых слова и поступки такие же, как у близкого им по уровню домашнего скота. – Леди Беатрисса, вам нужно есть...

Что-то в моем голосе изменилось, она чуть-чуть скосила глаза в мою сторону.

– Зачем?

– Чтобы бороться, – сказал я с убеждением. – Вы же сильный человек, леди Беатрисса!..

Она прошептала:

– Я не сильная. Я – тряпка...

– Вы сильная, – произнес я с нажимом. – Просто было минутное затмение.

– Да... – ответила она шепотом. – Но это погубило всю

жизнь.

– Нет, – возразил я тихо. – Нет!

За столом переговаривались, виночерпий почтительно наполнял Барбароссе кубок, наконец тот же осанистый граф поинтересовался осторожно:

– Ваше Величество, а осмелюсь ли я спросить...

Он замялся, Барбаросса буркнул:

– Откуда я знаю, осмелишься или нет?

Кое-кто улыбнулся, граф заговорил уже решительнее:

– Ваше Величество, а что будет с леди Беатриссой?

Барбаросса взглянул на него с угрюмой подозрительностью:

– А что вас интересует?

– Ну, – ответил граф уклончиво, – все-таки жена изменника...

– Жена, – прорычал король, – не обязательно сама изменница. Жена в любом случае должна выполнять волю мужа. И за ним... это... хвостиком, хвостиком!

Леди Беатрисса посмотрел на него, как мне показалось, с удивлением. Граф осмелился возразить:

– Ваше Величество, но если выбирать между верностью трону и верностью мужу... то не лучше ли быть верной трону?

За столом зашушукались, Барбаросса сказал задумчиво:

– Я знал одну даму в молодости... гордилась тем, что постоянно изменяет мужу, но королю – никогда. Вот такое у

нее было благородство. Высшей пробы! Пожалуй, слишком высокое для понимания простого человека и даже... простого рыцаря. Верность королевству, понимаете? Я тогда не мог понять такой странной верности, хотя и не я был ее мужем. Правда, я тогда и королем не был... Гм, так о чем мы?... Словом, леди Беатрисса тоже возвращается в замок Сворве, но уже не в качестве хозяйки, а как моя пленница, охрану которой я вручаю сэру Ричарду.

Леди Беатрисса вздрогнула, ложка выпала из ее ослабевших пальцев. Барбаросса метнул на нее быстрый взгляд и тут же перевел его на вельмож.

Граф ахнул:

– Ваше Величество! Да она сразу поднимет мятеж! И вашему вассалу не дадут даже хрюкнуть, как всадят со всех сторон ножи.

Король поморщился, но я увидел, как беспокойство мелькнуло в его запавших глазах.

– Я верю в сэра Ричарда, – проворчал он.

Архиепископ наклонился к уху и сказал шепотом:

– Верить надо только в Господа!

– Вы правы, святой отец, – сказал Барбаросса таким же шепотом, – все свиньи, верить никому нельзя. Даже вам.

– А почему мне нельзя? – спросил архиепископ обиженно.

– Вы же не Господь, – ответил Барбаросса чуточку злобно.

Глава 3

Я видел, как Уильям Маршалл посматривает на леди Беатриссу и меня с улыбкой. Старый воин уже понял очень многое из того, что мы скрываем очень тщательно. В его глазах я читал и сочувствие и живейший интерес, словно смотрит на равных по силе борцов и прикидывает, на кого поставить. Судя по тому, как она держится гордо и несломленно, это настоящее сокровище даже среди мужчин, а уж среди женщин, которых Маршалл ценит очень-очень низко, это и во все что-то неслыханное.

Она коротко взглянула мне в лицо:

– Сэр Ричард, вы в самом деле намерены вернуться в мой замок...

В ее глазах мелькнуло что-то, но я сделал каменное лицо, взгляд устремлен вверх сидящих напротив вельмож, ответить постарался так, чтобы мои слова выглядели как блоки, из которых сложены стены замка:

– По распоряжению Его Величества это теперь мои владения. Как земли, так и замок.

В ее глазах зажглись искорки, но вовремя опустила взгляд.

– И на что вы надеетесь?

– Что постараюсь восстановить мир, – ответил я честно. – Я вообще-то пофигист... тьфу, пацифист. Не люблю, когда

дерутся, а я далеко, и мне ни черта не видно.

Она проследила за моей рукой, но я не перекрестился, упомянув черта, что значит – тоже ниспровергающий. Взглядом старалась не встречаться, чтобы я не увидел в ее глазах вопрос: но ты уже был в этом своем замке, почему сбежал? Почему предпочел вернуться на виселицу?

Я упорно смотрел в стену напротив, чтобы она не прочла ответ в моих глазах.

– Сэр Ричард, – произнесла она медленно, – как бы и что бы ни сказал король, это мой замок. Во всяком случае, так считают мои слуги, мои крестьяне. А также, что немаловажно, мои вассалы, у которых свои замки и очень хорошие дружины. Боюсь, вам будет очень трудно убедить их в своих притязаниях.

– Буду стараться, – ответил я. – Его Величество правы, страна потонет в крови, если снова начнется междоусобица. И тролли в который раз выйдут из Зачарованного Леса и превратят деревни ваших подданных в руины.

– Междоусобицы не будет, – возразила она нерешительно.

– Почему?

– Мне так кажется...

– Ну, – сказал я, – это довод, признаю.

Она посмотрела искоса, словно что-то проверяя, снова уткнула взгляд в тарелку. Я чувствовал, что в самом деле нечто изменилось очень быстро и круто. Только что твердил себе, что не нужен мне и нуль-проход на Юг, могу и на ко-

рабле, как уже собирался, ничего со мной не случится, а вот через то зеркало как раз и может: кто знает, когда батарейки кончатся? Или кабель рухнет, изгрызенный ржавчиной?.. Но вот сейчас уже я мысленно там в замке, вовсю хозяйничаю, как здоровенный кабан в оранжерее. Даже не потому, что там этот проход, что там дефы, а просто потому, что... ах, черт, ну признайся же хоть сейчас, что очень хочешь заботиться о леди Беатриссе!

Заиграла, приближаясь со стороны открытых дверей, музыка. Между столами и кухней засновала целая рать слуг, разнося еду и питье. Уже и служанки, похотливо изгибаясь, носились между столами, игриво взвизгивали от шлепков по задницам. Разговоры все громче и беспорядочнее, вошли в зал музыканты и сели на специальном помосте, все в кричаще ярких нарядах, еще орущее, чем сами лорды за столами, но одежда того кроя, что сразу отличает простолюдинов.

Музыканты разом затрубили, забренчали, застучали, вперед вышел молодой парень с брюхом через ремень и, заложив руки за спину, запел, закричал, застонал, глядя поверх голов пустыми глазами. Мне стало противно, как смотреть на его скотскую морду, так и слушать что-то глупейшее, выдаваемое за песнь о неразделенной любви, как же могут с такими рылами петь о неразделенной, потихоньку поднялся, пока интерес к этому народному творчеству еще не угас, не все же здесь идиоты, за спинами гостей так же потихоньку

вышел из зала.

Меня раскачивает так, что весь дом пару раз качнуло, подумал насчет землетрясения, потом заторможенно сообразил, что это буря внутри меня швыряет меня так, что скоро буду головой стукаться о стены. Выругался тихонько, но все равно на меня оглядываются удивленно, выбрал место поединеннее, сел, обхватив голову обеими руками.

Что я творю? Я поеду взад с леди Беатриссой потому, что не могу без нее, или же из экономического расчета, что там окно на Юг? Понятно, понятно, ни о чем таком не говорю и даже не думаю, но не сидит ли это глубоко в подсознании, которое вообще-то и рулит всегда нашими деяниями и поступками? Все-таки я свинья, выросшая при свинском мировоззрении, что нет зазорного быть свиньей, что свинья – это тоже общечеловек, и чем больше ты свинья, тем больше демократ и тем ближе к чаяниям простого народа.

Я простонал сквозь зубы, ну что это копаюсь в себе, как интеллигент сраный, нас же всегда учили, что нужно музыку погромче и девочек без комплексов... ну да, эти вот целомудренность и стыдливость – комплексы, которые надо изживать, даешь траханье всех со всеми, не разбирая ни пола, ни возраста... ага, музыку и девочек, чтобы ни о чем не думать, ну да, чтобы весело и ни о чем не думать... ни в коем случае ни о чем не думать... даже о траханье не думать, а просто хватать и трахать, тебя ведь тоже схватят и трахнут, только успевай расслабляться... По коридору в мою сторо-

ну медленно идут двое хорошо одетых вельмож, немолодые, породистые, что значит хоть и раздобревшие, но без отвисающих животов. То ли не раскормили, то ли затягивают в тугие кольчуги за неимением корсетов.

Я услышал негромкий серьезный голос, в котором было больше надежды, чем уверенности:

– Нет, Шарлегайл не убьет!.. Карл не мог его убить...

Второй спросил в удивлении:

– Почему? Он всегда был ему серьезнейшим противником...

Первый вельможа развел руками:

– Благородный Жоффруа, вы меня удивляете. Вам не знакомо понятие мести? Сладкой мести заклятому врагу?.. Если врага взять и убить, то этим не насытишься. Если долго пытаться, а потом убить – то и тогда враг, считай, ускользнул... и теперь смеется из-за облаков!.. Нет, Карл слишком ненавидит Шарлегайла, чтобы вот так позволить ему избежать... Жаль, с нами нет Кейра, тот бы рассказал про короля Феникса, что держал в плену своего заклятого врага, короля Журфинга! Он так страшился, что Журфинг умрет, что держал при нем в темнице лучших врачей, а когда Журфинг заболел, то послал половину своего войска на поиски лекарства!.. Он страшился, что если Журфинг умрет, то его жизнь лишится половины радостей: видеть своего врага поверженным, униженным, видеть в цепях, приходиться и рассказывать ему, что вот сейчас захватил его страну, казнил

его родню, отыскал даже дальних родственников и посадил на кол... Так он продержал его в застенках лет пятнадцать, каждый день наслаждаясь своей победой! А когда заболел, то и тогда не решался казнить Журфинга, надеясь, что вот-вот выздоровеет, но Журфинга уже не будет... И только в последний миг, когда понял, что умирает, прохрипел, чтобы пленника немедленно казнили...

Они медленно прошли мимо, не обращая на меня внимания. Вельможа умолк, второй кивнул, сказал иронически:

– Тогда уж заканчивайте, благородный Доминик. Начальник королевской стражи повел солдат убивать Журфинга, а тут сзади начался плач и стоны по умершему королю. Стражи сообразили, что надежнее освободить Журфинга и возвести на опустевший трон, чем выдерживать долгую войну дальних наследников за право наследования. Вот такие дела... я знаю эту удивительную историю второго правления великого Журфинга, но какой вывод вы сделали?

Они удалялись так же неспешно, я успел услышать затихающий голос первого:

– Это говорит о том, что Карл, скорее всего, не убьет Шарлегайла! Но мы не можем позволить, чтобы он подвергал Его Величество пыткам или унижениям. Я постараюсь собрать своих людей...

Я стиснул челюсти и замотал головой. Нет уж, Шарлегайла спасать не поеду. Мне самому хреновее, чем Шарлегайлу, но меня что-то никто не спасает. Хоть презерватив натягивай

на голову, чтобы все видели, как мне... плохо.

Мимо начали все чаще проходить придворные, все поглядывают с удивлением, но пока помалкивают. Я наконец встал, ноги, как чугунные, потащился заполненным запахом горящего масла коридором, но едва повернул за угол, как почти столкнулся с леди Беатриссой. Она дернулась, невольно отступила на шаг, но дальше стена, Беатрисса лишь вскинула голову, чтобы посмотреть мне в лицо. Мои ноздри затрепетали, от нее пахнет просто волшебным, глаза расширены от ужаса, дыхание задержала, а кулачки прижаты к груди.

Я стоял неподвижно, стараясь не пугать лишним движением, даже забыл следить, чтобы не ускользнула в сторону, но Беатрисса, и так полуживая от страха, лишь смотрит на меня затравленно, как кролик на удава, громадного и ужасающего. Я смотрел неотрывно в ее фиалковые глаза, испуганные, но такие волшебные, но замечал и полураскрытые в испуге губы, полные и чувственные, в голове ни одной мысли, только смутное желание как-то успокоить. И вдруг она еще сильнее задрала голову, я наконец сообразил, что не рассматривает меня, а так же, как и я, когда чувствую себя неуверенно, выпячивает подбородок.

Внезапно я так отчетливо ощутил на своих губах вкус ее чистого полудетского рта, что вздрогнул. Устрашающий вид, который я умею напускать, что-то не в состоянии сломить ее волю, она смотрит с вызовом, да, с вызовом...

– Леди Беатрисса, – произнес я с тоской. – Мы все здо-

рово попали... Вы, я, даже король... Давайте подумаем, как выпутаться...

А я не хочу выпутываться, сказала во мне отчетливо. Я хочу томиться мукой сладкой, хочу длить эти мгновения, потому что вне этой муки – пустота, обыденная жизнь, что покажется серой, пресной и ненужной.

Она глубоко вздохнула, помолчала, снова вздохнула еще глубже. Я видел с каким усилием она берет контроль над собой в свои руки.

– Вы приняли мои владения, – сказала она медленно, – и мой замок из рук короля... неважно, что это никто из моих вассалов не признает, а среди них такие грозные воители, как граф Хоффман или граф Росчертский... Ладно, оставим это, а пока что у нас получается? Вы отправляетесь в замок, увозя меня с собой, как пленницу...

Я поморщился:

– Леди Беатрисса, вы же понимаете, что Его Величество брякнуло это иносказательно. Мол, сними этот тяжелый груз с моей шеи и пересади на свою.

Я невольно поднял руку и потрогал шею, представив вочию, как она сидит там, свесив голые ноги мне на грудь, сидит тоже голенькая, а то в этих платьях накроет мне голову...

По щекам леди Беатриссы растекся румянец, что-то и она представила, сказала поспешно:

– Неважно, он передал меня вам, как пленницу!

– Вы не пленница, – заверил я и уловил, как гримаска

неудовольствия мелькнула и тут же пропала на ее лице. – Вы... останетесь королевой в нашем понимании... в смысле, как понимают в наших срединных королевствах: королева царствует, но не управляет. Управлять, леди Беатрисса, буду я.

Ее щеки заалели, ноздри красиво вылепленного носа затрепетали, а сама она посмотрела мне в лицо бешеными глазами.

– Но слуги и вся челядь слушаются только меня!

– Теперь придется слушаться меня, – обронил я.

Она поинтересовалась ядовито:

– И сколько войска ваш король отправляет с вами?

– Это и ваш король, – напомнил я в очередной раз. – А войска со мной будет... достаточно.

– Сколько? – спросила она недоверчиво.

– Достаточно, – ответил я уклончиво. – Утром вы все увидите.

Она надменно вздернула подбородок, в фиолетовых глазах мелькнул гнев.

– Хорошо, сэра Ричард, спокойной ночи. Оставляю вас готовиться к схватке с лучшими воинами Армландии... и всеми их войсками!

Гордо повернувшись, она удалилась мимо группки вельмож, искоса наблюдавших за нами. Двое тут же оторвались от приятелей и поспешно потащились следом. Я стиснул кулаки и заставил себя думать о том, что она меня ненавидит,

ненавидит! Вон с каким злорадством сказала, что меня ждет в ее землях...

Но ведь и я ненавижу ее за то, что изломала все мои планы, разбила вдрезг все мои цели, заставила метаться не только между ее замком и дворцом Барбароссы, но и внутри меня, а там такие колдобины, вообще черт ноги сломит!

Намучавшись и выгорев на самом страшном из огней, который внутри всех нас обычно едва тлеет, я поплелся к отведенной мне комнате. По дороге увидел старшую служанку, которая готовила комнату для знатной пленницы, кивком подозвал.

Она подбежала и с готовностью присела в поклоне.

– Надеюсь, – спросил я строго, – комната для леди Беатриссы наконец-то готова?

Она еще раз присела в поклоне, прощebetала:

– Его Величество изволили велеть не возиться. Вы все равно с утра выезжаете.

– Это Барбаросса так решил? – спросил я.

– Его Величество, – поправила она.

Я молча выругался, служанка поспешно снова присела в поклоне, больно лицо у меня злое. Я сердито зашагал по коридору, затем развернулся и пошел обратно. Когда спускался по лестнице, снизу весело крикнул сэр Стефэн:

– Благородный сэр Ричард, вас поставили патрулировать лестницу?

– Что? – переспросил я, не поняв.

– Вы уже третий раз, – сказал он, – то вверх, то вниз...

Я остановился, с ужасом чувствуя, что в самом деле колыхаюсь, как то самое в проруби, никак не прибьюсь ни к одному берегу.

– Да, – ответил я растерянно, – похоже.

Насмешливое выражение на его мужественном лице сменилось сочувствующим, что вообще как гвоздь в гроб моему достоинству. Я зарычал, как Барбаросса, но, правда, про себя, повернулся и решительно повел себя наверх. Несмотря на трусливое сопротивление. Несмотря на оправдания, что вот прямо немедленно надо спуститься и осмотреть Зайчику копыта: не повредил ли за долгую скачку?

Однако наверху перед дверью ноги снова отказались двигаться. Я же не святой Антоний, что мужественно шел навстречу соблазнам и ломал им хребты, хотя и ему, судя по его воспоминаниям, доставалось так, что никому мало не покажется.

Тяжелая, как чугунная балка, рука кое-как поднялась, я постучал и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь. Комната сперва показалась пустой, но я сделал шаг и увидел леди Беатриссу. Бледная и поникшая, она сидит на лавке, опустив бессильно руки. На стук двери подняла голову, огромные фиолетовые глаза на исхудавшем лице доминируют настолько, что я вообще ничего не видел кроме этих страдающих глаз.

Сердце мое дрогнуло, острая жалость пронзила грудь. Сейчас, сбросив каблуки, она выглядит маленькой и трепещущей. Сверкающая красота как бы поблекла, однако волна нежности нахлынула и накрыла меня с головой с еще большей силой. Сейчас она напоминает маленького жалобного воробышка, выпавшего из гнезда, который еще не то чтобы летать, даже бегать не умеет.

Уже не контролируя себя, не борясь, я сел рядом. Беатрисса взглянула исподлобья, попыталась отвернуться, но я обнял за плечи, изо всех сил стараясь, чтобы это было дружеским жестом. Или хотя бы выглядело.

– Что случилось?

– Ничего, – буркнула она.

– А все-таки?

– Я же сказала, ничего не случилось, – отрезала она. Добавила язвительно: – Если не считать, конечно, того... ну, вы знаете, сэр Ричард.

– Догадываюсь, – ответил я со щемом в сердце. – Что вас тревожит еще?

Она зябко повела плечами:

– Не знаю. Но я не хочу оставаться здесь ни минуты. Мы можем выехать сейчас?

Я внимательно посмотрел ей в глаза, прислушиваясь к голосу, всматриваясь в движения лицевых мускулов.

– Скоро ночь. Завтра утром и выедем.

– Нет. Я хочу выехать прямо сейчас. Ну пожалуйста! Я

умоляю вас!

– Леди, – сказал я пораженно, – правильно ли я расслышал? Вы... умоляете?

– Да! Я не хочу, не хочу здесь оставаться на минуты!

Я подумал, кивнул:

– Хорошо, это обсудим чуть позже.

– Я тебя ненавижу, – прошептала она. – Как я тебя ненавижу!

Я прижал ее к себе, она уткнулась лицом мне в грудь и затихла. Я осторожно гладил по голове, наслаждаясь прикосновением к дивным золотым волосам, Беатрисса молчала, я боялся шевельнуться, чтобы не спугнуть очарование. Тело ее в моих руках мягкое и теплое, от кожи исходит чистый целомудренный запах, я боюсь выпустить ее из рук...

Она вздрогнула, тело напряглось. Я прижал крепче и зашептал на ухо, что все позади, все страшное кончилось, теперь будет все хорошо, но она уперлась мне в грудь кулачками.

Я вздохнул и выпустил ее из объятий.

– Хорошо. Кто здесь был?

Она взглянула с испугом.

– Здесь?

– Да, – ответил я. – Что за двое с очень дурно пахнущими ногами и еще хуже – шеями? Черт бы побрал этих щеголей, что не моются годами, но ароматными настоями могут облиться так, будто выскочили из-под ливня.

Она вздрогнула:

– Откуда... откуда вы знаете, сэр Ричард?

Я постарался улыбнуться позагадочнее:

– Ах, леди Беатрисса! Вы же сами сказали, что я не совсем деревенский чурбан.

– Но все-таки...

– Говорите, леди Беатрисса, – сказал я с мягкой настойчивостью. – Я уже знаю, но хочу услышать, как это прозвучит от вас. Из ваших прелестных и... э-э... коралловых уст.

Глава 4

Она смотрела с ужасом и непонятым облегчением, а я старался делать вид, что в самом деле все знаю, хотя запаховое зрение всего лишь видит три широких расплывчатых струи: одна принадлежит леди Беатриссе, она и в запаховом зрении светится чистотой и свежестью, и две другие, где явно присутствуют мужские гормоны, что вызвали в глубине моего нутра приглушенное рычание. Верх обеих струй знакомо светится фиолетово-сладким запахом сирени, а низ смердит навозом, будто ноги не просто в дерьме, а дерьмо поднялось до пояса.

– Когда вы утром ушли, – наконец заговорила она, – сюда явились двое.

– Кто?

– Двое мужчин...

– Ну, – пробормотал я, – не женщины, ясно. Те начнут являться потом, на пике эмансипэ. Вы их знаете?

– Нет...

– Хотя бы лица разглядели?

– Нет, они закрывали их платками. Дали мне вот это... и велели положить в вашу постель.

Она повернулась к шкафу и медленно потащила на себя ящик. На миг у меня мелькнула мысль, что сейчас в ее руке окажется пистолет, повернется и сразу выстрелит... нет,

сперва начнет патетически обвинять... однако когда леди Беатрисса повернулась, на ее ладони лежал небольшой мешочек из черной кожи.

– Что там?

Она прошептала:

– Я боюсь даже держать это в руке...

– Разумно, – согласился я. – Вдруг там внутри птичий грипп? Вы сделали правильно, моя нежная птичка, что не стали отказываться.

Она взглянула со злостью:

– А чего бы я стала отказываться? Мне предложили уничтожить моего лютого врага!

– Противника, – поправил я.

– Пусть противника, – согласилась она, – но это все равно почти враг. Я не стала отказываться, потому что они говорили все правильно и очень убедительно. Я и сейчас считаю, что они правы. И что...

– Ну-ну?

– И что вас нужно уничтожить, – договорила она. В ее прекрасных глазах заблестели слезы. – И вас просто необходимо уничтожить!

Я в сильнейшей неловкости развел руками:

– Мы не всегда делаем то, что нужно. Напротив, чаще делаем ненужное. Но почему-то так уж получается, что это самое ненужное порой оказывается нужнее, чем самое нужное... Жаль, не всегда.

Она всхлипнула, я прижал ее к груди, стараясь загородить от всех бед и несчастий.

Когда она заснула, все еще измученная как многодневной скачкой, так и нервным истощением, я осторожно укрыл ее одеялом и на цыпочках вышел из комнаты. Стражи в коридоре посмотрели с удивлением, я сделал зверское лицо. Оба поспешно отвернулись, а я двинулся вниз по лестнице, в черепе кипит мозг, кровь раскаленным металлом струится по жилам, а кулаки мои сжимаются с таким неистовством, словно уже держу за глотки тех сволочей.

Взгляд мой по дороге зацепился за рослого рыцаря в доспехах, явно выдавших виды, часто бывавших в кузнице, где молотобойцы заново приводят в прежний вид, выравнивая вмятины в панцире, ремонтируя мелкие пластины, заменяя пробитые кольца кольчуги. Даже шлем блистает неровно, отдельными искрами, что говорит о мелких погнутостях.

Будакер, подсказала память. Один из рыцарей маркиза Плачида. Мой противник, который однако не смог солгать или промолчать на допросе.

– Сэр Будакер, – сказал я дружелюбно, – я просто удивлен, видя вас живым и даже... целым!

Он смерил меня неприязненным взглядом:

– На что вы намекаете?

– Родня маркиза, – объяснил я, – с которым я поступил недостаточно учтиво, должна бы рассердиться на вас.

– За что?

– Вы подтвердили, что он стрелял мне в спину.

Он пожал плечами:

– Но он в самом деле стрелял.

– Остальные рыцари промолчали, – напомнил я. – Не солгали, а просто отказались отвечать. Мне почему-то кажется, что сейчас им живется легче.

Он нахмурился:

– Это ваши выдумки. Замок и владения маркиза Плачиды унаследовал его родной брат маркиз Порталле. Нам вполне хорошо в его свите.

Я развел руками.

– Тогда я рад за вас. Значит, я был не прав. Но на всякий случай... Я завтра на рассвете отбываю в те земли, которые мне изволил пожаловать Его Величество. Это опасное дело, скажу сразу. К тому же я планирую взять с собой всего десять человек, а противостоит мне вся Армландия! Это тысячи и тысячи рыцарей, и десятки тысяч хорошо вооруженных воинов.

Я сделал паузу, он спросил с тем же недружелюбием:

– Зачем вы рассказываете это мне?

– Предлагаю присоединиться, – ответил я. – Вы показали себя честным противником. Значит, сможете быть и честным вассалом. А здесь... как бы ни было вам хорошо, что-то подсказывает, что продвижения у вас уже не будет. Родня Плачиды все равно не простит вам откровенного признания.

Он взглянул со всей надменностью высокородного дворянина на плебея.

– Почему это?

– Они такие же, как и сам маркиз. Яблоки от яблони недалеко ябнутся. Для родни маркиза выстрел из-за угла, выстрел в спину – норма. Где-то же он получил такое воспитание? Вы должны были соврать. Мол, не видел, как происходило, или вообще сказать, что я сам застрелился... Зато я вам обещаю, что в моем окружении все достойные рыцари. А кто не рыцарь – тоже достойный. И получит от меня намного больше, чем получил бы здесь...

Он поинтересовался насмешливо:

– А что получу я?

Голос был саркастический, однако я уловил тоскливую нотку безземельного рыцаря, который уже не мальчик, а все еще без крыши над головой, а из имущества только конь, доспехи и оружие.

– Тоже намного больше, – ответил я со всей серьезностью. – Просто я всех предупреждаю, что еду в очень опасное место. Там мои права никто признавать не станет. Борьба будет острая. Но если я одержу верх... учтите это «если», то и опираться предпочту, как любой человек, на тех, кто приехал со мной, кого я сам отбирал в свой отряд.

Он помолчал, я видел, как борется в нем гордость и желание получить наконец-то что-то за безупречную службу, наконец он вскинул голову и ответил надменно:

– Ваше предложение мне кажется непристойным и затрагивающим мою рыцарскую честь. Прошу вас, сэр Ричард, если хотите избежать поединка, больше не обращайтесь ко мне с такими оскорбительными... предложениями.

Я вежливо поклонился, отступил: – Сэр Будакер, ваш ответ говорит о вашей честности и щепетильности. Мы выезжаем на рассвете. Вы можете присоединиться до того момента, как копыта наших коней простучат под аркой ворот.

Он холодно промолчал, я развел руками и двинулся дальше. В главном зале полно народу, слоняются без дела, присматриваются друг к другу, завязывают полезные знакомства, стараются понравиться могущественным лордам. При каждом выходе короля эти лизоблюды всегда в первых рядах, кланяются и улыбаются во все лживые пасти: как же, Его Величество само изволило появиться, какое счастье, как мы вас любим, Ваше Величество, добавьте еще какой-нибудь лен, да деревенек подкиньте на протянутую лапу...

Я прошелся среди них, прикидываясь скучающим, заглянул в нижний зал, там не прекращается пир, король должен быть щедрым хотя бы на угощение, собрался выбраться во двор, как наконец-то в цветных струях мелькнул кислова-то-шероховатый запах того оттенка, какой я видел в своей комнате.

У входа беседуют двое, высокий щеголевато одетый дворянин, бледнолицый и томный, и человек средних лет, неприметный, в неприметной одежде, словно стремится

быть тем человеком-невидимкой, которого в упор не видят из-за его стандартности.

Запах однако исходит от яркого щеголя, я еще раз принял-ся, подошел вроде невзначай ближе, запах усилился настолько, что пришлось приглушить. Наконец я отрубил запаховое зрение полностью, сразу ощутив себя намного легче и, проходя мимо, задел плечом щеголя.

Тот недовольно поморщился, но смолчал, пришлось самому остановиться, развернуться. На лице щеголя мелькнуло беспокойство, а я воскликнул неприятным голосом:

– Виконт, вы меня толкнули!.. Я считаю это наглым и неспровоцированным вмешательством в мои дела!

Он возразил нервно:

– Вы сами меня задели...

– Ах, – возмутился я, – так вы еще и нагло клеветеете на мой курс? У вас двойные стандарты?.. Я требую незамедлительных санкций!

Он сказал обеспокоенно:

– Каких? Вы толкнули меня, а еще и обвинили, но я не требую извинений...

– Ах, вы назвали меня простолюдином? Что значит, земляным червяком?.. Люди, вы слышали, он меня членистоногим обозвал!.. Виконт, доставайте меч, мы наш спор решим сразу же по ту сторону двери.

Он воскликнул с возмущением:

– Вот еще! Я вовсе не собираюсь с вами драться!

– Почему? – осведомился я. – Сэр Стефэн, подите-ка сюда...

Сэр Стефэн приблизился, в глазах удивление, никогда не видел меня в роли задиры, я сказал капризно:

– У вас достаточно власти, чтобы его арестовать и отвести в королю?

Он ответил с осторожностью:

– Сэр Ричард, другому бы я ответил сразу...

– А мне?

– Ну, все помнят, как вы поступили с маркизом. Я не хотел бы оказаться замешанным во что-то крайне резкое...

Я сказал с нажимом:

– А если этот вот тип по ночам превращается в летучую мышь и сосет кровь у короля?

Виконт отшатнулся, а глаза сэра Стефэна полезли из орбит:

– Неужели...

– Арестуйте, – велел я. – Сейчас все выясним.

Сэр Стефэн повернулся к виконту, тот без пререканий отдал меч, король все выяснит, это же чушь, подумать только – летучая мышь, да такая огромная мышь и не взлетит... Мы вышли на задний двор, я быстро огляделся, схватил виконта за грудь, он только пискнул, и толкнул в кузницу. Двое молодобойцев в удивлении опустили молоты, я велел им быстро:

– Эй вы! Быстро связать этого красавца!

Они все еще тарасили в удивлении глаза, но сэр Стефэн

первым сообразил, что дело не в простом поединке, быстро выдернул кинжал щеголя из ножен, отшвырнул, а острие своего меча приставил ему к горлу. Тот замер, страхась шевельнуться.

Молотобойцы наконец опомнились, сыромятными ремнями с огромным удовольствием скрутили виконту руки и ноги. Я вытащил длинный раскаленный прут из горна, конец вишневый, сыплет искрами, приблизил к лицу виконта.

– У меня один вопрос, – сказал я. – Кто во дворце замышляет отравить короля?

Он прошептал, морщась от жара:

– Не знаю...

Сэр Стефэн ахнул, глаза полезли на лоб, молотобойцы замерли. Я вздохнул.

– Ладно, тогда вопрос проще: что вы делали в моей комнате?

– Мы не заходили...

Я прижал конец раскаленного прута к его животу. Одежда сразу загорелась, виконт истошно завопил. Молотобоец по знаку Стефэна плеснул водой, пламя погасло, но теперь в воздухе витал запах горелой плоти.

– А что в мешочке, – сказал я зловеще, – который ты, тварь, велел леди Беатриссе положить мне в постель?

Он всхлипывал, я без всякой жалости ткнул горячим концом в то же место.

– Глаза и язык, – предупредил я лютю, – выжгу напоследок.

док. Чтобы ты успел накричаться... и насмотреться на свое тело без рук, без ног... и без чего-то еще.

Он вскрикнул:

– Я скажу!.. Я все скажу... Это все Теддер, он велел так сделать...

– Зачем?

– Он сказал... он сказал...

– Что он сказал? Говори быстро!

– Он сказал, что на пути только этот Ричард. Если его убрать, с королем справимся легко.

Сэр Стефэн переспросил неверяще:

– Барон Теддер? Не может быть!

– Он, – прошептал виконт. – Никто не знает, что он могучий чернокнижник. Он умеет многое... Поднимать из могил мертвых, призывать говорящих птиц, повелевать жуками... Его не трогает ни один зверь.

– Где он? – прервал я.

– Он здесь...

– Во дворце?

– Да...

Стефэн уже открыл было рот для мощного крика, явно позвал бы стражу, но я опередил:

– Всем тихо! Я что-то во дворце его не видел вообще!

Виконт отшатнулся от темно-вишневого конца прута, тот уже чуть остыл, но только чуть.

– Он может сделать так, что его не видят...

Молотобойцы начали испуганно оглядываться, один перекрестился и поплевал через левое плечо. Стефэн смотрел на меня с испугом и ожиданием.

Я повернулся к виконту.

– Кто был с тобой, когда приходили к леди Беатриссе?

Он прошептал тихо:

– Мой дядя... барон Блэкторн.

– Скоро с ним увидишься, – пообещал я.

Он вздрогнул и выгнулся, когда я с силой засадил прут ему в бок, проткнув печень, но не заорал, тут же умер от болевого шока. Стефэн смотрел на меня ошалело, я сказал отрывисто:

– Сэр Стефэн, ваша задача: быстро отыскать этого дядю и, не поднимая шума, прикончить. Лучше всего прикончить, понимаете? Никаких арестов. А я пока постараюсь отыскать этого чернокнижника.

Он смотрел с испугом и некоторым отвращением. Я заговорил зло:

– Страшитесь ручки запачкать? Ну и хрен с вами. Утром я уеду, расхлебывайте сами.

Он вздрогнул, сказал колеблющимся голосом:

– Сэр Ричард, я все сделаю.

Я отшвырнул прут и быстро вышел из кузницы. Навстречу спешил, вытирая жирные губы, кузнец, в бороде застряли хлебные крошки.

– Сэр Ричард, – крикнул он еще издали, – у вас заказ? Что

изволите?

– Уже изволил, – ответил я и, кивнув на кузницу, пошел в здание.

Глава 5

Голова трещит, устал так, как будто мчался на костлявой лошади, не покидая седла, день, ночь и снова день. Барона Теддера так и не увидел, наконец додумался позвать Бобика, но и ему не объяснишь, кого именно искать, а гербы ему показывать бесполезно, в геральдике он так же силен, как я сам.

Наконец я додумался зайти в восточную башню, где расположился барон со своими людьми, поговорил с его слугами и оруженосцами, отпустил пару комплиментов богатым одеждам барона. Старший слуга, явно отвечающий за костюмы, расцвел, словно хвалю его самого, сообщил гордо:

– Шелка для его милости привозят с Юга!.. Дорого, но у его милости денег хватает.

– И покрой дивный, – сказал я. – Неужели на Юге знают его фигуру?

Он засиял от удовольствия:

– Нет, все шьем здесь. Я сам снимал мерку с его милости!

– Дивное искусство, – похвалил я. – Все на бароне сидит, как влитое. Вы настоящий мастер!.. А этот вот камзол тоже принадлежит барону?

Он всплеснул руками:

– Как можно! Да разве его милость такое наденет?

– Гм, – сказал я, – а мне показалось, что прекрасный камзол. Самому королю в таком впору щеголять.

Он довольно рассмеялся:

– Сейчас я вам покажу камзол его милости, вот тогда и скажете...

Он повернулся, крикнул, двое слуг опрометью сорвались с места, через пару минут принесли нечто завернутое в шелк, а когда развернули, я в самом деле ахнул без всякого притворства. Камзол в самом деле сказочно богат, будучи расшит золотом, украшен драгоценными камнями, но меня поразила покррой, словно умелый дизайнер кроил костюм средневекового феодала, учитывая более современные мотивы и веяния моды.

– Здорово, – сказал я пораженно. Почтительно потрогал ткань, пропуская ее между пальцами, покачал в великом изумлении головой. Пес сунулся ближе, я наставительно дал ему понюхать, приговаривая: – Ты, морда, где-нибудь такую красоту видел?.. Вот и я не видел! Эх, живут же люди... Ладно, спасибо, нам нужно еще зайти проверить копыта моего коня...

Мы ушли, провожаемые ехидными улыбками: что за лорд, который сам проверяет копыта своей лошади, а я за дверьми сказал Бобику негромко:

– А теперь ищи, дурилка!.. Ищи!..

Он поднял голову, принялся, отыскивая нужную струю. Я пытался уловить тоже что-то похожее на тот запах, который остался на моих пальцах, но где там, а Бобик сорвался с места, он был уже на другом конце зала, когда я заорал:

– Стой!.. Стой, дурак толстожопый!

Бобик остановился, в глазах недоумение и обида, я догнал, стараясь не привлекать внимания, наклонился к его мохнатому уху и сказал с укором:

– Ну а найдешь, что делать будешь? Вот то-то, не знаешь! А он все поймет и примет какие-то меры... Так что иди рядом... ладно, на шаг впереди. Но не больше... И не беги, понял?

Он понял, что бежать не надо, хоть и не понял почему, я видел безмолвный протест на мою дурь в каждом движении, но подчинился и шел на полшага впереди, даже не вынюхивая воздух, а просто шел, а я топал рядом, делая вид, что это я иду, а пес просто угадывает, куда мне сворачивать.

Обошли две трети дворца, придворные даже не удивлялись, видя меня с собакой: таким Псом каждый будет хвастаться и брать его с собой всюду, куда допустят, наконец Пес незримо подтянулся, я ощутил, что цель близка.

Еще один зал, Пес впервые направился не к дверям у противоположной стороны, а пошел в сторону окна, возле которого мирно беседуют двое придворных. Я напрягался изо всех сил, глаза вот-вот лопнут, в ушах звон, зрение заволокло красным, а Пес уже подходит к беседующим... нет, на шаг левее, морда направлена в пустоту...

Я уже хотел пригасить добавочное зрение, как вдруг увидел нечто... нет, ничего не увидел, но как будто в солнечном луче, что падает из окна, образовалась некая ниша: луч сол-

нечного света видим только потому, что блестят плавающие в воздухе пылинки, так вот как будто в этом луче стоит что-то, куда пылинки не попадают...

Это нечто шевельнулось, я понял, что именно насторожило Пса, торопливо выхватил меч и как можно быстрее ударил наискось. Лезвие меча ощутило сопротивление, я поскорее выдернул меч и ударил снова, уже изо всех сил.

Оба беседующих вскрикнули, когда на них из ниоткуда плеснуло горячей кровью. Нечто опустилось на пол, Пес оскалил зубы и смотрел, облизываясь. Глаза начали наливаться зловещим багровым огнем.

– Нет! – сказал я резко. – Нет!.. Ты моя тихая собачка, ты мой друг для игр!

Придворные в ужасе отступили, стряхивали с себя кровь. В нашу сторону начали оглядываться, самые смелые опасно подходили, на лицах страх и недоумение, но ладони уже на рукоятках мечей. Я предостерегающе вскинул меч, с лезвия на пол часто-часто закапали крупные красные капли.

– Не спешите!.. Оставайтесь там. Имеет место гнусное черное колдовство с целью умерщвления Его Величества.

Один вскрикнул в панике:

– Господи, снова?

– Кто-то не желает менять профессию, – сообщил я.

– Но кто? – вскрикнули придворные в один голос.

Я указал мечом на пол, где начала быстро растекаться широкая лужа крови, однако видно, что в ней лежит нечто,

словно плита сверхчистого льда, которую не сразу и заметишь.

– Если это сохло, то... подождем.

На всякий случай я ткнул, как копьём, пару раз в неподвижное тело, но оно не дернулось, хотя меч явно погружался в тугое мясо.

К нам, привлеченные криками, сбегались люди, появились стражи, с готовностью выставили копья. Очень медленно в воздухе обрисовалось человеческое тело, словно сотканное из легкого пара, потом из плотного тумана, затем появилась вещественность, будто тело колдуна слеплено из снега, и только теперь стали заметны страшные раны. Лезвие моего меча буквально перерубило колдуна наискось справа налево и слева направо.

Один из придворных воскликнул с возмущением:

– Так он, значит, стоял рядом и подслушивал?

– Подлец, – посочувствовал я. – Но он же не дворянин, ему можно.

– Таких вешать нужно!

– Я добрый, – ответил я. – Он умер, как благородный.

Они смотрели, как я тщательно вытер о его труп клинок, лица все еще шокированные, я отсалютовал им и вложил меч в ножны.

– Думаю, Его Величеству изволится будет узнать, что последний колдун, замышлявший на его жизнь и здоровье, уничтожен. А я пойду малость сосну перед рассветом.

Меня догнали в коридоре перед моей комнаткой, когда я уже опустил ладонь на ручку двери. За стражами, что запыхались и тяжело отдувались, подбежал сэр Стефэн.

– Как хорошо, – сказал он с великим облегчением, – что я вас... успел...

– Что именно? – спросил я подозрительно. – Выразайтесь яснее, сэр Стефэн.

– Да я только, – пробормотал он непонимающе, – рад, что догнал...

– Дальше не продолжайте, – прервал я. – А то я из таких королевств, где на ваше «догнал» тридцать два крайне непристойных продолжения и восемнадцать истолкований. Чё надо?

Он отвесил изящный поклон:

– Его Величество... фу... крутая лестница, а я вторую ночь не сплю... с той, как вы приехали... В смысле, с той ночи, не хватается за меч... Его Величество изволило позволить повелеть, дабы я со всей куртуазностью и любезностью сумел успеть пригласить вас...

Я перебил:

– Для этого с вами двое мордovorотов с копьями?

Он сказал укоризненно:

– Сэр Ричард, что для вас двое, даже мы трое?.. Это для титула. Не могу же ходить один, не роняя достоинства? Как какой-нибудь вообще безлошадный?

– Ладно, – прервал я с тоской. – Что ему не спится? Тоже мне, еще один отец народов... Пошли.

Король не спал, а еще он что-то ощущал на карте, будто ловил там крохотных мятежников. Рядом Уильям Маршалл, усталый и невыспанный, следил красными от бессонницы глазами за королевскими пальцами. Карту на стену вешать не додумались, расстелена во всю длину стола, но Барбаросса знакомо хмурится, крутит головой, а на меня посмотрел привычно пронизывающе, потом спохватился и взмахнул королевской дланью:

– Сэр Ричард, прошу вас!

– Ну что у вас еще? – сказал я тоскливо. – Приличные люди спят. Здравствуйте еще раз, сэр Уильям.

Барбаросса поморщился:

– Да, сейчас не спит разве что ворье, короли да тайные любовники. Правда, не знаю, к какой категории вас отнести, но за раскрытие заговора не знаю, как и благодарить. Правда, вы слишком круто его загасили...

– А что было делать? – ответил я. – Нужно было действовать быстро. Иначе скрылся бы. А второй удар по королю и королевству мог бы оказаться посерьезнее. Правда, работали дилетанты. С возможностями барона Теддера проще было бы войти незамеченным в спальню и просто прирезать вас, Ваше Величество, как свинью.

– Спасибо, сэр Ричард, – сказал Барбаросса, морщась.

– Простите, Ваше Величество, – поправил себя я. – Я хо-

тел сказать, как кабана. Вот что значит рассориться со священниками! Одними острыми мечами дворец не защитить, как видите...

Маршалл проговорил раздумчиво:

– Убить короля кинжалом в спину – сделать его мучеником. Народ сочувствует убитым. Да и не только народ... Многие знатные лорды не захотят поддерживать убийцу, даже если они сами вас недолюбливают. Да и те сами могут не успеть изготавиться к захвату власти. А так, когда король медленно чахнет, и примерно можно сказать, когда благородно представится, то можно незаметно стянуть в столицу верных людей, обеспечить себе преимущество в борьбе за трон...

– Тогда это граф Кенгарвей, – сказал Барбаросса. – Или барон Гэйлб.

– Почему? – спросил я.

За короля ответил сэр Уильям:

– Только у них почти нет здесь людей. Им нужно время, чтобы вызвать сюда отряды. А у барона Теддера здесь почти пятьсот копий!.. Ваше Величество, с вашего разрешения я пойду подготовлю пару крайне важных бумаг. И – срочных!

Барбаросса отмахнулся:

– Иди. Ты лучше меня знаешь, что нужно делать.

Сэр Уильям удалился, Барбаросса посмотрел на меня хмуро и подозрительно, словно это я задумал такой грандиозный заговор.

– Ваше Величество, – напомнил я, – я убрал всего лишь непосредственных исполнителей. А тот, кому выгодна ваша смерть и кто все это затеял, сейчас ищет новых... И вас все равно удавят, отравят или придушат подушкой.

– Умеете вы говорить приятные вещи, – сказал Барбаросса язвительно.

– Я ж галантный, – согласился я. – Словом, утром меня уже не будет, но угроза остается. Мой совет: поскорее дайте место во дворце священникам, миссионерам, проповедникам... Да, это неудобные люди, сам знаю, но защитят вас от черной магии. Да и сами могут в ответ ударить так, что мало не покажется!

Я сосредоточился, шепотом произнес заклинание. В моих руках уже привычно возникла простая глиняная чашка. Густой бодрящий запах горячего кофе потек по комнате. Король выпучил глаза, крылья широких волосатых ноздрей задергались.

Я протянул ему чашку.

– Выпейте.

Он взял с великой осторожностью.

– А что это?

Не отвечая, я создал другую, с жадностью начал отхлебывать, наслаждаясь каждой каплей. Барбаросса посмотрел на меня с подозрительностью, профессия короля – самая опасная, осторожно пригубил, потом выпил в три глотка, вот уж глотка луженая, у меня бы все ошпарило.

Широкая рожа расплылась в блаженной улыбке.

– Ух ты, как будто заново на свет народился! Что за штука?.. Да, сэръ Ричард, и вы еще советуете наводнить дворец священниками? Да вас за такое чернокнижие тут же на костер! Я сам дров подброшу!.. Или не подброшу, гм...

– На рассвете меня здесь не будет, – ответил я сумрачно. – Уж не говорю, что это не чернокнижность. Это мне за особые заслуги, как паладину.

– Какие, особые?

– Наши масонские, – отпарировал я. – У королей одни тайны, у женщин другие, у паладинов – третьи. Вам, Ваше Величество, легче понять женщин, чем нас...

Я сотворил еще по чашке, Барбаросса едва и чашку не съел, вылавливая последние капли. Дверь приоткрылась, Уильям Маршалл сразу повел носом, принюхиваясь, но мы сделали вид, что ничего не слышим. У Маршалла лицо строгое, значительное, но тревогу в глазах спрятать не сумел. Такому нельзя поручать пост министра финансов, рухнет вся финансовая система, если появится на публике с таким обеспокоенным лицом.

Барбаросса оглянулся, явно хотел вспылить, но всмотрелся в лицо первого советника, вздохнул и сказал гробовым голосом:

– Дабы пресечь слухи, а они уже начинают расползаться, объявите, что сэръ Ричард отправился в свои владения. Кто будет перечить ему... я имею в виду, там, в Армландии, тот

враг короля и королевства. Сэр Ричард волен поступать с такими, как заблагорассудится.

– Ага, – сказал я едко, – так мне и позволят.

– А вы, того, настаивайте, – посоветовал Маршалл.

– Может, – спросил я, – лучше от вашего имени? Чемпиона всех турниров Уильяма Маршалла помнят и чтут.

Барбаросса рыкнул:

– На кого удобнее, на того и ссылайтесь! Руки у вас развязаны.

Маршалл кивнул, лицо сразу просветлело.

– Ваше Величество, он отправится туда в качестве барона?

Барбаросса едва не закричал зубами, лицо налилось кровью, прорычал гневно:

– Что вы, сэр Уильям... по больному месту?... Видите же, как быстро растет этот молодчик!.. Приготовьте указ о пожаловании ему титула... гм.. титула...

– Графа?

– Какого графа, он уже и так граф. И даже бургграф, подумать только, куда мир катится. Представляете его бургграфом?

Маршалл посмотрел на меня с сомнением.

– Ну, в определенном свете...

– А я вот никак, – сказал Барбаросса. – Воображение пасует. Нет, в Армландию надо что-то объемнее. На этот раз он получает не земли, а целую провинцию...

Барбаросса умолк, только зло стучал кулаком по столу, брови с костяным стуком сшибаются над переносицей, высекая искры, глаза мечут огонь. Маршал выждал чуть, сказал осторожно:

– А если... пфальцграф?

– Что? – спросил Барбаросса отстраненно.

Я объяснил с самым серьезным видом:

– Пфальцграф – это устройство для пальцегнута. Маршалл посмотрел на меня с укором, мы же все серьезные люди, я сделал постное лицо. Барбаросса призадумался, а я порылся в памяти, но так ничего и не мог вспомнить, кроме того, что пфальцграф, то есть дворцовый граф, во Франкском государстве председательствовал в дворцовом суде, потом стал графом округа, считался королевским должностным лицом... понятненько, Маршалл, как умело и преданно проводящий политику Барбароссы, старается привязать меня к их колеснице. Вот только я в отличие от них, знаю, что позже пфальцграф превратился во владетельного князя... К примеру, пфальцграф Рейнский начал именоваться также и князем Рейна и почти не подчинялся королю...

После долгой паузы Барбаросса прорычал:

– Вообще-то самое подходящее... В Армландии целая куча графов. У всех земли, замки, родословные. Туда надо с соответствующим титулом, чтобы не запинали.

– Я подготовлю королевский указ?

– Да, – рыкнул Барбаросса. – Подготовьте.

– Но есть одна тонкость...

Маршалл не уходил, взгляд вопросительный. Барбаросса нахмурился:

– Какая? Говори прямо, как раньше, когда в твоей руке было копьё!

– Ах, Ваше Величество, мне бы ваши юные годы... Тонкость в том, что титул пфальцграфа обязывает к большему...

Он умолк, Барбаросса нахмурился еще сильнее, взглянул на меня косо, потом на Уильяма.

– Мог бы и промолчать. А до сэра Ричарда дошло бы только в пути, а то и там, на месте.

Я спросил настороженно:

– А в чем тонкость? Я человек простой, мне надо все на пальцах. И чтоб без среднего.

Уильям взглянул на Барбароссу, тот кивнул, и Уильям сказал сильным, но уже не рыкающим голосом воина, а как должен объяснять царедворец:

– Его Величество изволили облечь вас гораздо большими полномочиями, чем владельца земель барона де Бражеллена. Под вашей рукой оказываются земли и тех лордов, которые находятся в Армландии. То есть вы явитесь туда уже как пфальцграф... всей Армландии!

Я подумал, осведомился:

– Ваше Величество, а землю на Луне вы продавать не пробовали?

– Продавать?

– Жаловать, – поправился я поспешно. – Изволить жаловать своих верных людей обширными участками на Луне! С лесами, горами, озерами и всеми подданными, что там окажутся. Тоже нехило.

Уильям улыбнулся, Барбаросса посмотрел на него зло и сказал раздраженным голосом:

– Ладно, раз уж раскрываем все карты, то скажу прямо: тебе чуть больше работы, но зато и мощи еще как прибавится!.. Те земли, как спелый плод, только и ждут, чтобы попасть в крепкие руки. А я, как очень неглупый король, предпочитаю, чтобы это были руки честного и преданного мне рыцаря...

– Ваше Величество, – прервал я, – извините за напоминание, но я не состою у вас на службе.

Он отмахнулся:

– Ты сделал больше, чем мои самые преданные люди. Вот и хочу, чтобы те земли достались тебе. Я буду уверен, что ты проследишь и за королем Гиллебердом, это мой сосед с той стороны, и не позволишь оттяпать хотя бы клочок...

– А что, местные лорды... сепаратисты?

– Король Гиллеберд, – прорычал Барбаросса, – хорош на посулы. Он многое может пообещать, только бы они отложились от меня и признали сувереном его, умного и всеблагодного. Потому и хочу, чтобы туда поехал честный и преданный...

Я поморщился:

– Ваше Величество, расчет на то, что я как-то забуду возразить и тем самым как бы признаю, что я у вас на службе?

Он отмахнулся:

– Да это оборот речи, не обращай внимания.

– Вам бы юристом быть, – сказал я. – Повписывали бы в договора такие вот мелкие вроде бы незначащие пунктики, а потом разводили лохов.

– Да, ты стреляный воробей, – буркнул он. – Но это в самом деле оборот речи. Я понимаю, что заставить тебя не смогу никакими договорами. А чем заставить, даже не представляю...

Маршалл кашлянул, привлекая внимание.

– Вы отвлеклись, Ваше Величество, – напомнил он. – Слухи мы таким образом пресечем. А дальше?

Барбаросса прорычал утомленно:

– Я дальше сэра Ричард отправится и примет владения Сворве и Коце. А также попробует себя на посту пфальцграфа. Сэр Ричард, если все еще колеблетесь, посоветуйтесь сперва, а потом решайте.

Он поднялся, показывая, что аудиенция закончена. Я тоже вскочил, поинтересовался очень-очень вежливо:

– С кем посоветоваться?

– С совестью, – буркнул он.

Я поклонился и вышел. Если он сказал что-нибудь насчет рыцарского кодекса, я бы нашел, что ответить, из меня еще тот рыцарь, у меня свои понятия, но остатки зачатков сове-

сти вроде бы сохранились и в моем времени.

Увы, совесть и человек взаимозависимы: нет человека – нет совести, нет совести – нет человека. Но даже когда совесть есть, она все равно не уберегает от греха. Зато, проклятая, мешает получать удовольствие.

Говорят, что находя богатство, теряете совесть. Находя женщину, теряете рассудок. Находя истину, теряете веру. Находя власть, теряете честь. И только потеряв все – находите свободу. Но я же не буддист, на фиг мне такая свобода?

Глава 6

На рассвете решетка ворот поднялась, выпуская конный отряд в составе двадцати рыцарей. Я сам отобрал воинов, никто так и не понял, по каким признакам я отбираю: не по росту и силе, не по доспехам, не по знатности. Да я и сам не знал, почему предпочитаю этого, а не рядом стоящего, но каких бы силачей ни отобрал, все равно эти двадцать человек не устоят перед тысячей, которых может двинуть в схватку граф Росчертский или барон Хоффман. Так что я попросту отобрал тех, кто выглядел смышленнее и послушнее остальных.

Леди Беатрисса посматривала на меня, как на идущего голым в стаю львов. Я чувствовал себя тоже так, но бодрился и выпячивал нижнюю челюсть, глядя перед собой бараньим взглядом человека, рожденного повелевать и не умеющего выслушивать возражений.

Она сама выбрала из всех предложенных ей лошадей легконогую и очень нервную, конюх даже беспокоился, совладает ли прекрасная леди с норовистой тварью, однако та на удивление повела себя тихо и мирно. Если некоторые графы ожидали, что пленную леди повезут в карете, их ждало глубокое разочарование: мятежница восседала в седле так, словно и родилась в нем.

В рассветной тиши копыта простучали по дощатому мо-

сту звонко и гулко. Мы миновали мост, однако он не поднялся тут же за нашими спинами: раздались крики, снова стук копыт, уже частый. Из-под каменной арки ворот выметнулся рослый рыцарь на крупном боевом жеребце, за ним едва поспевал молоденький оруженосец.

Я остановил Зайчика, рыцарь подъехал ближе, медленно и с явной неохотой отдал салют. Я кивнул, повернулся к своему отряду.

– Рад случаю представить вам нового члена нашей команды! Сэр Будакер, доблестный рыцарь, в благородстве и честности которого я не только не сомневаюсь, но сам вызову на поединок всякого, кто позволит в них усомниться!.. Сэр Будакер, займите место в отряде, мы за сегодня должны пройти как можно больше.

Он поклонился, в переднем ряду расступились, и он молча, но явно польщенный моей речью, поставил своего коня рядом с конем Килпатрика, то есть в первом ряду.

В самом хвосте отряда едет на муле отец Бонидерий, иссохший от ночных бдений и истязаний плоти, но быстрый и с умным цепким взглядом, в серой потрепанной рясе. С непременною дубинкой в руках, ибо монахам запрещено брать в руки любое рубяще-колющее оружие, на непременно муле – тот же непонятный запрет монахам ездить верхом на конях, с короткой белой-белой бородой, что остается белой в любой дождь, грязь. Про него рассказывали, что если он вылезает из болота, весь в грязи и ряске, борода оста-

ется чистой, как серебро.

Я оглянулся, тут же наткнулся на его острый взгляд из-под густых угольно-черных бровей. У аристократов это считается признаком элитной породы: когда сам седой, а брови черные. Взгляд буквально пронзил меня, про такой говорят, что видит насквозь. У меня только одно утешение, что если отец Бонидерий и увидит мою душу, как раскрытую книгу, то ему легче научиться читать на ассемблере. Или хотя бы бейсике.

Едва выехали за ворота столицы, как некоторое время видели села и распаханное поле, но затем дорожка повела через лес. По обе стороны тропки навстречу быстро мчались старые дубы, ясени, клены, иногда отодвигались от тропки, и тогда на нее падала ажурная тень листвы, но обычно ехали в такой густой тени, словно солнце давно опустилось за край земли.

Поляны захвачены папоротником, сапоги в стремях скользят по узорчатым листьям. Часто приподнимались длинные уши зайцев и молодых оленей, а хищники наблюдали из густых кустов. В небольших лесных озерах громко пели лягушки, но умолкали, когда мы проезжали рядом, однако не прыгали в воду, а надувались и смотрели с прямой и недвусмысленной угрозой, как маленькие томы кленки.

Я все посматривал на леди Беатриссу, беспокоясь, достаточно ли ей было двух дней для отдыха, не свалится ли даже со своей на диво послушной лошадки, и едва время подошло

к полудню, скомандовал большой привал.

– Сэр Макс, – сказал я, соскакивая с коня, – подойдите на минутку.

Молодой рыцарь спрыгнул с коня и не пошел ко мне, а подбежал, что не просто понравилось, а даже очень. В день отъезда, когда отбирал с собой добровольцев, я узнал, что его зовут Максимилианом фон Брандесгертом, ничем вроде бы не примечательный, перед глазами не маячит, не старается выслужиться, но это он со Стефэном во время Каталаунского турнира берег мою спину, принимая на себя все удары, не отвлекался на богатую добычу, понимая, что падет вожак – падут все.

Он подбежал и замер, глядя на меня чуточку снизу вверх. Очень узкое удлиненное лицо с внимательными синими глазами, длинный нос и красиво очерченные губы. Я невольно посмотрел на уши: если удлиненные и заостренные, то в нашу компанию как-то затесался эльф.

Уши у Макса удлиненные и заостренные, но не слишком, это он весь удлиненный и заостренный, а уши соответствуют общему дизайну.

– Сэр Макс, – сказал я, – простите, что сокращаю ваше благородное имя, но в наших краях тоже есть Максимилианы, однако если к ним кто из королей или сюзеренов сильно расположен и жаждет подчеркнуть их достоинства и несомненные заслуги, то зовет их Максами... А теперь о главном. Я заметил, что вы все время присматриваете за отря-

дом, подгоняете отстающих, не позволяете сильно отдаляться в стороны, что опасно для самих слишком уж увлекающихся... Словом, вы прирожденный вожак. Так что я назначаю вас командиром нашего отряда.

Он покраснел от удовольствия, но сказал поспешно:

– Сэр Ричард, как можно!

– А в чем дело?

– Вы наш вожак!

– Я не вожак, – признался я откровенно. – Быть вожаком – это прежде всего заботиться о других, а я из такого края, где все только «дай» и «принеси». Избаловали нас там. А вот вы, сэр Макс, заботиться умеете. А когда прибудем на место, я вообще буду солистом. Нет, не капусту солить, а действовать соло. Натура у меня такая гадостная.

Он подтянулся, лицо посерьезнело, взгляд стал суровым.

– Понял, сэр Ричард. Вожакom вы станете, когда придет беда, так?

Я в неловкости развел руками:

– Вроде бы так. И присвою ваши заслуги, так как половина победы – это подготовка войск в мирное время. А этим заниматься вам. Там, куда прибудем, мне больше доверять некому. Разве еще сэру Будакеру, как ни странно.

Он сказал четким даже прерывистым от усердия голосом:

– На меня и моих людей можете полагаться всегда и во всем!

Я улыбнулся, сэр Макс уже не отделяет себя от вверенного

ему отряда.

Сэр Килпатрик и сэр Будакер вызвались пройти по леску и подстрелить чего-нить на обед, чтобы побережь сыр и мясо, но я велел строго:

– Собрать хвороста и – отдыхать!.. Бобик, принеси что-нибудь попроще.

Пес подпрыгнул весело и вломился в кусты, как бронированный носорог. Рыцари проводили его обеспокоенными взглядами. Будакер промолчал, он все еще чувствует себя не совсем среди своих, а Килпатрик поинтересовался осторожно:

– Попроще... это что?

– Да зайцев каких-нибудь, – ответил я рассеянно. – Или оленя...

Пес отсутствовал буквально пару минут, в самом деле приволок оленя, тут же исчез, принес еще одного, потом – кабана, еще минут через десять принес к изумлению всех пару жирнящих молодых гусей, а затем приволок огромного сома, больше похожего на бревно.

Макс подскочил, глаза, как блюдца.

– А рыбу... рыбу как?

– Я разве за ним бегаю? – спросил я. – Как-то поймал. Он когда в азарт войдет... Вроде бы и не охотничий, а поди ты...

Пес лизнул меня в руку, выпрашивая ласку, я почесал за ухом, он радостно взбрыкнул и, не получая запрета, снова

унесся в чашу.

– Все мы не охотники, – сказал Макс, он все еще оторопело смотрел вслед Псу, – но когда трубит рог, душа устремляется впереди тела по следу гончих псов...

– Да, – согласился с ним Будакер, он задумчиво смотрел вслед исчезнувшему Псу, – в каждом из нас есть нечто... эдакое...

Он пошевелил пальцами, изображая это эдакое, ибо настоящие мужчины обходятся скупыми словами, вообще в умении живописать есть что-то стыдное, будто актер какой или поэт.

– Есть, – признал и Килпатрик, – сам не понимаю почему, но подстреленный на охоте гусь куда вкуснее откормленного дома.

– Это точно!

– И вообще любая дичь вкуснее...

Я снял с седла бурдюк с молодым вином, одновременно сделал, загораживая своей широкой спиной, еще один и оставил на Зайчике. Пусть видят, что бурдюки не берутся из ниоткуда. А до того, чтобы пересчитывать оставшиеся бурдюки, благородные рыцари не опустятся.

Обед удался на славу, даже леди Беатрисса повеселела и откушала как оленины, как и сомятины. Впрочем, мясо сома мне показалось жестким и невкусным, предпочитаю рыбу помельче, но жевал машинально, оба мы стараемся не встречаться взглядами, слишком много между нами недоговорен-

ностей...

...к тому же ни она, ни я не хотим, чтобы они прояснились.

Сэр Макс и другие рыцари настолько старались ей услужить и преуспевали, как могли, у меня это даже вызывало глухие приступы ревности. Боюсь, леди Беатрисса это замечала, но все с той же милой улыбкой принимала знаки внимания и только в конце обеда мягко поинтересовалась:

– Это король велел вам сопровождать меня?

Рыцари переглянулись и, пряча улыбки, поклонились. Макс ответил почтительно:

– Да, это нам оказана такая честь.

Она не поняла, в чем допустила ошибку, почему посмеиваются, это видно по глазам, спросила едко:

– Чем-то провинились?

Макс развел руками:

– Почему?

– Вас отсылают от двора!

Макс покачал головой:

– Осмелюсь возразить, моя леди. Просто у Его Величества все поставлено с ног на голову. Он держит возле себя тех, за кем нужен глаз да глаз, а верным людям позволяет отлучаться.

Второй рыцарь прогудел басом:

– А особо верным – поручает важные дела.

Она фыркнула:

– Вас он послал на смерть.

Рыцарь проворчал:

– Если послал, значит – так надо. Не дело вассала обсуждать приказы самого короля.

Она стиснула кулачки, гнев вспыхнул, как огонь в сухой соломе, я видел как задержала дыхание, уговаривая себя, что с этими тупыми людьми разговаривать бесполезно. Они верны королю и верны своему сюзерену, который теперь везет ее, как овцу, обратно в его замок. Он полагает, что везет, как свою добычу...

Я понял ее мысли по ее открытому лицу, проговорил с легким вопросом:

– Леди Беатрисса, вы намекнули, что мне, вот такому, в вашем замке не прожить и минуты...

– Намекнула? – удивилась она. – По моему, я сказала как нельзя яснее.

– Объясните, – попросил я. – Дорогая моя леди.

Она взглянула с брезгливой жалостью.

– Дорогая, вы правы, но не ваша. А вас так часто били по голове, что вышибли остатки того, что могло бы стать при удачном стечении обстоятельств зачатками мозга?.. Впрочем, это участь всех рыцарей... Особенно плохих. Если вам неясно ваше положение, то как вдолбить, что убьют сразу же, как только вы въедете под арку ворот? Все увидят, что возвращается враг.

– Почему, – пробормотал я, – именно враг?

– Потому что это замок барона де Бражеллена!

– Барон убит за измену, – напомнил я. – За измену законной помазанной власти. К тому же не убит, я неправильно выразился, извините за умное слово, а пал в бою, что две большие разницы. Даже можно три. Если уж совсем точно, это случилось на турнире, что можно толковать вообще, как несчастный случай.

– Замок принадлежит мне, – сказала она твердо.

Я кивнул:

– Знаю. Но вы... дорогая не моя леди, разве тоже изменница?

Она ответила надменно:

– В любом случае жена должна идти за мужем.

– Хорошо, – произнес я холодно, – что мы не в Индии.

Рыцари сидят притихшие, никто даже не двигается, между нами двумя проскакивают молнии, вот-вот грянет такой гром, что расколется небо.

Глава 7

В минуты просветления я говорил себе в великом раздражении, что я абсолютнейший дурак, кретин, даже идиот. Единственное, что меня должно интересовать в том замке, эта потайная комната герцога Луганера, и потому я сам заинтересован, чтобы добраться туда побыстрее. В моих интересах только это, все остальное – блажь, затмение, бурление гормонов, что в попытке обмануть сознание, принимает одухотворенные и весьма изысканные формы.

Дальше отряд двигался без привалов, хотя у водоемов всякий раз останавливались, давали чуть-чуть отдохнуть людям и коням. Брат Бонидерий, как истинный правозащитник, тщательно следил, чтобы воины получали достаточно хлеба и сыра, а насчет вина и пива мы с ним были согласны: такое счастье подождет до прихода на место.

Прямые лучи накалили доспехи, я чувствовал, как по спине ползают струйки пота. Рядом едет сэр Килпатрик, массивный и неподвижный, лицо красное, распаренное, но не ропщет, спокойно переносит тяготы похода, что вовсе и не тяготы, а так, обыденность. А доспехи на нем вдвое тяжелее моих. Плюс кольчуга под панцирем. А под кольчугой еще и толстый войлок.

– Не жарко? – спросил я. – Ты просто герой.

– Жарко, – ответил он просто, – но что делать? Солнце не

остановишь.

– Зато можно похудеть, – сказал я.

– Ну да, – ответил он обидчиво, – хоть толстяки и живут меньше, зато едят больше! А как от такой радости отказаться?

– Это верно, – согласился я. – Слушай, что это за птицы все время над нами кружат?

Он взглянул коротко, отмахнулся:

– Простые стервятники. Это не глекки, сэр Ричард.

– Глекки?

– Ну да. Стервятники сами по себе, а глекков всегда кто-то посылает. Правда, стервятники бывают опаснее, а глекки никогда не нападают. Но все равно неприятно, когда на тебя кто-то смотрит, а ты ему в морду никак...

Я порылся в памяти:

– А хробойлов кто посылает?

Он посмотрел с великим уважением:

– О, эти куда опаснее глеков!..

– Встречал?

– Слышал... А вы?

– Подстрелил как-то одну, – ответил я небрежно.

– В самом деле? Как?

– Слишком далеко залетела. Но так и не рассмотрел...

Жизнь такая, все время торопимся.

Он сказал глубокомысленно:

– Торопимся сами ставить на себе крест, а зачем? Придет

время, поставят другие...

Впереди затрещали кусты, высокое дерево содрогнулось и мелко-мелко задрожало, словно от удара летящего с горы огромного валуна размером с быка. Я насторожился, рука привычно потянулась к молоту, но кусты распахнулись, будто камыши, и, оставляя за собой поломанные ветки, выметнулся массивный черный зверь с янтарными глазами, в пасти трепыхается крупная рыба.

Я покачал головой:

– Никаких остановок, Бобик!..

Он посмотрел с укором, я протянул руку, он вложил в нее рыбину, но не выпустил из пасти, пока я не засадил пальцы как можно глубже под жабры. Конь не оглядывался, только фыркнул, когда я с великими трудностями засунул добычу в мешок и перебросил ему на круп. Бобик весело скакал вокруг и следил, чтобы рыба не вырвалась и не убежала.

– Ты собака, – напомнил я ему. – Вот и лови всяких там зайчиков, барсуков... ну белочек, если вдруг и по деревьям мастер... но рыб зачем? Ты – благородный пес, а не безродная щука! А щас и вовсе акула какая-то лесная...

Пес сделал круг вокруг нас, веселый и довольный щенок без возраста, снова вломился в чашу леса. Правда, старается далеко не отдаляться, слышу треск и вижу, как колышутся деревца. Рыцари переглядываются, я слышал приглушенные разговоры, но не улавливал слов.

– Отец Бонидерий, – воззвал я. – Вот божий дар, как знак

приятели к нам Господа нашего! Примите, а на привале вы уж придумаете, как поступить с этой постной пищей.

Священник принял рыбину с великим трудом, она все еще шевелила хвостом и делала попытки вырваться, произнес с похвалой:

– Даже собака знает, что сегодня постный день!.. Постаралась, но отыскала на ужин именно рыбу.

– Значит, собачка от Бога, а не от Дьявола, – сказал Макс со значением.

Я мысленно поблагодарил его за поддержку, а Килпатрик заметил рассудительно:

– Но будь даже сотворена Дьяволом, разве Господь в своей милости не может созданное им повелеть служить человеку?

– Такие усердствуют еще больше, – вставил Будакер. – Так что с собачкой все в порядке.

– Почти церковная, – буркнул я. – Друзья мои, Господь в своей милости и даже мудрости разрешил не соблюдать заповеди тем воинам и странникам, кто в дороге, в бою или на чужих землях. Так что те, кто слаб духом, могут полакомиться жареным мясом. Думаю, брат Бонидерий отпустит такой крохотный грех. Даже не грех, а минутная слабость.

Рыцари в дороге со знанием дела рассуждали, как лучше истреблять троллей, орков и огров, я помалкивал, я только в случае, если сами нападут, а так внешность орков и прочих гоблинов для меня не повод к их истреблению. Как и повед-

ки. Я родился в толерантном обществе, где приучают терпимо относиться даже к гомосекам, демократам и цыганам, так что тролли и орки на их фоне выглядят милыми и опрятными существами.

Судя по полям и садам по обе стороны дороги, земли здесь плодородные, прекрасно родит пшеница, гречиха, на склонах холмов расположены виноградники. Вознесенный до небес Хребет заслоняет от ветров и шквального ветра со стороны моря, так что урожаи здесь всегда обильные, засуха никогда не сжигала поля дотла, как в других частях королевства.

Как я понял, бывшие владения барона де Бражеллена... никак не привыкну называть их своими, протягивают длинные лапы вплоть до графства Хоффмана, его земли находятся в ленной зависимости от Гиллеберда Фруассара, властелина королевства Турнедо, а с ним граничит не то Ламбертиния, чьего наследника я спас от заговорщиков, не то королевство Фоссано, из которого Алевтина, жена Барбароссы. Вдоль Хребта земли де Бражеллена... тьфу, Ричарда Длинные Руки, тянутся, кое-где прерываясь независимыми фьефами, до самого Разлома, а это просто невероятно, чтобы один род сумел сосредоточить в своих руках такие владения. Понятна озабоченность, мягко говоря, короля Барбароссы таким владетельным магнатом, чье богатство уже не уступает королевскому. Не было бы счастья, да несчастье помогло: барона де Бражеллена угораздило ввязаться в заговор про-

тив короля, явно намеревался возвыситься еще больше, но облом на этот раз стоил ему головы. А прямых наследников по мужской линии не оказалось...

Да и оказалось бы, подумал я трезво, король обязан назначить опекуна до совершеннолетия наследника. А все мы знаем, что за время опекунства можно растащить все богатство под самыми благовидными предложениями, вроде бы и не нарушая законов.

Мы ехали день за днем, коней не меняли, потому приходилось давать им отдыхать, и с каждым днем видели, что эти земли населены особенно густо: тысячи замков расположены на горных кручах, у перекрестков дорог, у мостов и бродов. Такую землю захватить трудно, ибо все силы всегда направлены на захват замков, без обладания ими ни одно войско не решится двигаться дальше, опасаясь внезапного удара в спину. Взять замок приступом, пробив дыру в воротах или в стене, а то и взобраться по приставным лестницам – это величайшая редкость, это можно проделать, если защищать замок почти никому.

Если же гарнизон укомплектован, то останется только надеяться взять измором, одновременно ведя всевозможные подкопы, стараясь издали забросать глубокий ров связками хвороста, тревожить часовых ложными нападениями и вести переговоры о почетной сдаче.

Насколько я помню, почти ни одну крепость не удавалось отрезать от мира полностью, так что подкрепление они вре-

мя от времени получали. Как людьми, так и продовольствием. К примеру, в той знаменитой войне, когда блеснула Жанна д'Арк, вся английская армия окружила Орлеан, но и то не могла заделать все бреши: туда входили и выходили посланцы, а затем без помехи вошли войска блистательной Жанны.

Хуже того, осаждающие сами оказывались в плачевном положении: у них не было таких стен, и приходилось лагерь окапывать глубокими рвами, все проходы на ночь перегораживали цепями, вокруг постов часовых строили ямы-ловушки, везде стояли огромные щиты, чтобы защитить от пращников и лучников с высоких стен.

Так что этот край защищен очень хорошо, сопротивляться будет упорно. А со времен Римской империи уже не собираются большие армии. Малыми же силами эти земли не захватить...

Килпатрик часто выезжал вперед, Пес за это его выделил и часто сопровождал, охраняя, как отбившуюся овцу, но Килпатрик истолковывал это как привязанность огромного Пса к своей особе, чем очень гордился.

Они первыми достигли берега реки. С этой стороны остатки моста, с той – точно такие же, а посреди река несет злые воды быстро и раздраженно, бьет в берега, ревет, по всей длине течения ходит бурунами и водоворотами.

Килпатрик оглянулся на стук копыт наших коней.

– Черная Речка, – произнес он почтительно.

– Снова Черная? – произнес я брезгливо. – ну нет у людёв

фантазии...

– Что, – удивился сэр Килпатрик, – вы уже где-то встречали еще одну? Она такая же?

Я спросил, игнорируя вопрос:

– Из-за чего она Черная? Вроде вода прозрачная.

– Черная, – объяснил Килпатрик, – потому что еще не один человек не преодолел ее. Да-да, сносит моментально! А течение здесь такое, что с легкостью уносит любые глыбы...

Я попытался вспомнить эту реку, все-таки раза четыре как-то форсировал, но не смог, хотя рылся в памяти старательнее Тутанхамона в гробнице Шлимана. Видимо, Зайчик на скорости ее просто перемахнул. А Бобик мог вообще не заметить, подумаешь, вода течет...

– И что? – спросил я. – Нам вертаться взад?

Килпатрик сказал горделиво:

– Нет, тут совсем близко... Беда, если бы эта река бежала через весь мир! А так вытекает в сорока милях отсюда, это с востока, а впадает всего через милю.

– Куда впадает? – уточнил я.

– К счастью, не в море, – ответил Килпатрик и перекрестился. – Там расщелина, река низвергается с огромной высоты... и никто еще не видел то дно, куда она падает.

– Вот будет номер, – пробормотал я, – когда расщелина наполнится.

Килпатрик посмотрел на меня в удивлении, потом дошло, побледнел и начал торопить всех:

– Вперед, вперед, не останавливаться! Вдоль берега, а там побыстрее от этого места!

Еще издали мы слышали грозный рев, земля начала вздрагивать под конскими копытами. Ущелье даже не ущелье, а наподобие широкого колодца, пробитого метеоритом из нейтральной материи. Река с грохотом обрушивается с уступа, за все годы ничуть не сгладив и не отодвинув. Я не рискнул подъехать ближе к краю, слишком вздрагивают скалы, да и не настолько я любознательный, чтобы вот сейчас заглядывать во все дыры.

– Вперед, – велел и я. – Мимо и – дальше!

– Хорошо сказано, – молвил Килпатрик уважительно. – Мимо и дальше!

Мы обогнули впадину и снова взяли прежний курс. Килпатрик начал рассказывать, что в этой долине замечены деревья, что перемещаются с места на место. Даже не отдельные деревья, а целые участки леса, чего раньше никто из местных не замечал.

По землям барона Мэгда, здешнего сюзерена, в довершение ко всему передвигаются огромные песчаные ямы. Никто не знает, где они будут завтра, потому в той земле никто не селится, а путешественники избегают даже приближаться к опасным местам. К счастью, с одной стороны земли барона Мэгда упираются в горы, а с другой – в реку, потому песчаные ямы, ударившись о каменную громаду, отправляются обратно и гибнут в реке. С третьей стороны расположен

лес Звенящих Листьев, могучие деревья выдерживают удары песчаных ям, более того – медленно и упорно отвоевывают землю, укрепляя ее прочными корнями.

Впереди еще зачарованное место, знаменитое тем, что в нем все заклятия теряют силу, а все амулеты и талисманы перестают действовать. Первые путешественники пугались, когда их могучие талисманы превращались в простые камешки или куски дерева, но когда выходили из странных земель, волшебные свойства постепенно восстанавливались. Ну а нам, благородным рыцарям, которые уповают на крепость рук и силу духа, это место без магии совсем не страшно...

Судя по лицам рыцарей, все же страшно, но каждый лишь надменно хмурился и выше скидывал подбородок.

Глава 8

Бобик отсутствовал долго, я втайне начал беспокоиться, но тут показалось стремительно приближающееся черное тело, разрослось, но странно, что Пес несется не прыжками, а чуть ли не рысью, Килпатрик первым понял, что у Пса в пасти, ахнул.

А Бобик положил мне к ногам огромное яйцо, желтое, кожистое, как будто даже расчерченное сеточкой ромбиков, отступил и посмотрел ожидающе. На спине и на боках присохшие стебли болотных растений, тина, клочья мха, на голове большая ссадина, а рядом вздувается шишка.

– Яйцо болотного дракона, – прошептал Килпатрик благоговейно.

– А что с ним делать? – спросил я. – На омлет? Или глазунью?

Рыцари заговорили взволнованно, Килпатрик замахал руками:

– Этому яйцу цены нет! Дракон слушается того, кого увидит первым. Ну как бы считает его мамой... Но такое яйцо не добыть...

Я буркнул:

– Но моя собачка как-то добыла?

– Наверное, – предположил кто-то, – втихую сперла из гнезда, пока драконы отсутствовать изволили.

– Но с кем-то подралась, – заметил другой. – Вид у нее помятый.

– Могла по дороге...

– С яйцом в пасти?

– Гм, кто знает такую собачку.

– Я тоже такую вижу впервые...

– Ха, а не наслышаны разве?

– Сплюнь! Это, может быть, и не та вовсе.

Подъехал отец Бонидерий, перекрестил яйцо, но оно не вспыхнуло и не пропало. Да отец Бонидерий, судя по всему, и не ждал, что с яйцом что-то произойдет: в этом мире драконы так же привычны, как медведи или волки.

– Ну и что с ним делать? – повторил я. Огляделся. – Леди Беатрисса! Не желаете ли обрести верного друга и защитника? В смысле, стать мамой вот этому... этому существу?

Она смотрела сверху вниз на кожистое яйцо.

– Вообще-то у меня уже есть дочь, – проговорила она медленно, – хотя... могу для нее...

– Леди, – вскрикнул кто-то шокировано, – это же сожрет вашего ребенка!

– Мой ребенок сам кого угодно сожрет, – ответила леди Беатрисса. – Сэр Ричард его такому научил...

Я ощутил себя на перекрестье взглядов, развел руками:

– Да ладно вам. Наследница таких обширных земель должна быть опаснее любых драконов! В маму.

Яйцо завернули в несколько слоев ткани, леди Беатрисса

приняла его обеими руками, вызвав восторг у Бобика, только красная лошадка под своей хозяйкой пугливо прыдала ушами и нервно косилась большими испуганными глазами.

Не знаю, по каким критериям я включил в свой отряд сэра Ворпеда, массивного и малоподвижного рыцаря, лицо всегда красное, распаренное, он тяжело отдувается, даже когда просто стоит, хотя при долгом беге или после него сопит и вздыхает точно так же тяжело.

Возможно, это моя ошибка: слишком религиозен, в постный день не стал есть мясо, и сейчас, глядя, как рыцари с шуточками жрут жареного кабана, снова перекрестился и отсел в сторону. Я заметил, что он крестится чаще других, у него в это время на лице появляется иступленное выражение, мол, а я все равно заставлю себя каждый день отжиматься от пола, учить в день по три английских слова и перестану нажираться с приятелями. Это вот перекрещивание себя перстами – не что иное, как напоминание себе же, что я в этой вере, я все еще держусь в ней, не поддамся языческому, что тянет вниз, в хаос, в баб и пьянку. Буду возвышать себя, несмотря на все соблазны, буду держаться, живот втянут и плечи расправлены, даже когда никого вблизи, ибо Господь все видит, а я хочу стать лучше, чем я есть, а вот таким, как сейчас, можно только в отрочестве, когда все еще в личинках, но потом дорога только в грузчики да уборщики улиц, если не стану возвышать себя отказами от сладких соблазнов, заменяя их

трудной и неприятной учебой, тренировками, семинарами, курсами повышения квалификации...

И отец Бонидерий появляется возле него не случайно: ощутил, что воля Ворпеда шатается... в смысле, вера этого рыцаря недостаточно крепка, чтобы выдерживать давление могучих инстинктов, которые десятки миллионов лет накачивали мускулы и учились ломать все препятствия.

Мы снова мчались, когда рысью, когда галопом, всех снедает нетерпение, а меня еще и тревога: ну не может быть, чтобы не стряслась какая-нибудь пакость. Ведь если под кем лед трещит, то подо мной ломится, а сейчас самое время: вот уже несколько дней ничего не случилось.

Еще одна ошибка, мелькнула мысль, которую Барбаросса мог бы поставить мне в вину, что я не прибыл в «свои» земли сразу, в разгар лета. Летом, как известно, не воюют. Хотя вроде бы лето как раз и самое удобное время для войны: сутки почти полностью состоят из дня, прерываемого короткой ночью, для конницы всегда есть корм, для войска не надо искать теплых домов: поспят и на голой земле. Реки можно перейти вброд, а крупные легче переплыть, противник урожай еще не собрал, и если сжечь его поля, порубить виноградники – либо околет с голоду, либо торопливо сдастся. Все-таки здесь не тот климат, чтобы успеть вырастить еще один урожай до зимы.

Однако все остаются беречь и собирать свой урожай, потом молоть, заботливо складывать мешки с мукой, а уже осе-

нюю начинаются войны, это после того, как на День святого Мартина крестьяне поставляют оброк, а вассалы привозят ежегодную дань. В честь завершения этих дел устраиваются охоты на скошенных полях... именно на скошенных, а не как ранее подавалось в моих школьных учебниках, описывая тяжелую жизнь крестьян не то при царе, не то при коммунизме.

Сейчас, увы, как раз такое время, когда урожай уже собран, дни не такие жаркие, а войско легко прокормить хоть своим хлебом, хоть захваченным у противника. Насколько помню, самые массовые битвы, начиная со знаменитой при Кресси, происходили с конца августа по конец сентября.

Сейчас уже конец сентября, но дни еще теплые, войско можно провести маршем быстро, но есть риск, что осенние дожди застанут войско в пути, дороги размочит, реки переполнятся и станут непроходимыми. Все отсыреет настолько, что даже костры не разжечь, так что рисковать вряд ли кто станет.

Правда, зимой есть то преимущество, что замерзшие дороги выдержат как тяжелую конницу, так и громоздкие повозки. По льду можно перейти ранее непроходимы болота, озера и даже реки, однако первым, кто после Чингисхана и Тевтонских рыцарей попытался вести войну зимой, был Наполеон, но и он, несмотря на свой военный гений, проиграл зиме...

Все равно, большие или малые войны разворачиваются, народ в них гибнет как мухи. Целые провинции пустеют, но,

странное дело, проходит всего несколько лет, и все отстраивается, снова везде растут деревни и заполняются города.

Вообще-то при таких темпах рождаемости, когда женщина рождает столько, сколько может рожать, народ плодится, как кролики. Я помню из школы, что когда по Европе, и без того обезлюдевшей от опустошительных войн всех против всех, прокатились еще и две-три ужасающие по силе эпидемии чумы, и Европа фактически обезлюдела, то папа римский специальным эдиктом не только разрешил, но и настоятельно советовал мужчинам брать в жены столько женщин, сколько может защитить, «дабы снова наполнить землю людьми и тем самым выполнить волю Божию».

Потом, когда Европа стала подниматься из руин, снова вернулись к прежней практике моногамии, хотя мормоны так и остались многоженцами, понравилось, а здесь, как я понимаю, в отдельных областях этот обычай трансформировался в тетравленд, то есть жена убитого брата переходит к младшему, а если некто захватывает замок и убивает хозяйна, то женщины переходят к нему в качестве его жен по праву тетравленда, что вообще-то справедливо: женщины всегда должны быть под мужской защитой, и если одна защита рушится, то ее должен предоставить им тот, кто ее разрушил.

Таким образом, у меня есть замок в Срединном королевстве, так я его называю, с тремя женщинами, считающими себя моими женами... ума не приложу, что с ними делать, и сейчас вон проезжаем мимо замка Крумнивольд, где у баро-

на три жены. Говорят, он крайне враждебно встречает всех, кто проезжает по его землям... Надо сперва выяснить, не придерживаются ли он и его жены этих устаревших обычаев. Не хотелось бы ехать дальше, обвешанному новыми женами, как удачливый охотник утками.

Впрочем, их можно оставить на местах, опыт уже есть. Хоть сперва получилось вроде бы случайно, само по себе, но получилось же, так что опыт надо принять на вооружение.

Зайчик ощутил, что я впал в глубокие раздумья, и, чтобы не тревожить, пошел ровным шагом, дабы поверхность мозга даже не пошла рябью. Рыцари постепенно обгоняли, наконец со мной поравнялся отец Бонидерий.

Я не обращал внимания на его взгляды искоса, ну едет и едет нечто рядом крохотное на ишачке, ну пусть на муле, наконец священник кашлянул и заговорил проникновенным голосом:

– Я знаю, вы бросили все важные для вас дела за Перевалом, сэръ Ричард! Чтобы примчаться спасать от смерти человека.

Я спросил с интересом:

– Это вы короля обзываете человеком?

– Король тоже человек, – ответил он с мягким укором. – Никого нельзя считать пропащим или недостойным, пока он жив, пока дышит.

– Интересный взгляд, – признал я. – Король – тоже человек. Обычно я слышу, что простолюдин – тоже человек.

– Простолюдин скорее войдет в Царство Небесное, – произнес он и перекрестился, – чем сильные мира сего. Те слишком подвержены мирским соблазнам и... на беду свою, не могут устоять. Слишком многие не могут устоять!

– Ну, – сказал я, – у простолюдинов свои соблазны. У каждого свой ад и свой рай. Граница между ними постоянно меняется, но всякий раз проходит через нас, человеков.

Он долго думал, не сказал ли я крамолу, не стоит ли на меня настучать, дабы вырвать из рядов церкви отступника, а я числюсь в церкви, хоть и как-то боком, наконец перекрестился и сказал со вздохом:

– Потому и бьются в нас светлые силы с темными, чтобы изгнать Врага из души человеческой, сэр Ричард. И я рад, что вы, паладин и вообще добрый человек, на стороне тех сил, которые идут к Богу.

Я покачал головой:

– Ошибаетесь, я совсем не добрый человек.

– Но, сэр Ричард...

– Добрый человек не тот, – сказал я невесело, – кто умеет делать добро... и великие злодеи его иногда делают, а тот, кто не умеет делать зла. Увы, я умею... да еще как умею!

Он некоторое время смотрел только на дорогу перед собой, мимо проплывают спрятавшиеся в золоте листьев деревья, наконец ответил грустно:

– Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы. Это сказал мудрый Соломон, который

сам сделал величайшую ошибку...

– Когда набрал много жен?

Он отмахнулся:

– Тогда мир был другим, а Господь не смотрит на такие мелочи. Человек должен выжить – вот главная заповедь Господа. А уже затем – стремиться прийти к Нему. А вот то, что Соломон других богов допустил в свою страну – это недопустимо.

– Царица Савская, – вспомнил я. – Все из-за нее...

– Да. Она была язычница, и он, презрев свою истинную веру, разрешил ставить языческих идолов и возводить языческие капища.

– Это называется политкорректностью, – объяснил я. – Соломон еще не знал, что это за гадость, но уже ввел ее в употребление... С него все это началось, с дурака. И кто его мудрым назвал? До сих пор ту дурь расхлебать не можем.

Он посмотрел с недоумением, не все понял, однако суть уловил, сказал с неожиданной твердостью:

– Надо держаться, сэръ Ричард.

– Держаться, – возразил я, – это мало. Надо наступать!

Церковь у нас воинствующая или где?

– Воинствующая, – ответил он и перекрестился, – воинствующая...

Леди Беатрисса время от времени бросала пытливые взгляды на сопровождающих нас воинов. Барбаросса позво-

лил мне самому отобрать людей, но не мог расщедриться на большой отряд, что леди Беатрисса заметила в первую очередь, а сейчас пыталась понять, почему в отряде наряду с ветеранами почти две трети совсем молодых воинов.

За день одолели сорок миль, выдающийся результат, но это за счет хорошей дороги и хорошо отдохнувших коней. Дальше и дороги похуже настолько, что порой исчезают полностью, и кони устанут. Сэр Макс захватил для нас палатку, маленькую, но уютную. Как мне показалось, он захватил ее не ради меня, своего господина, а ради прекрасной леди. Хорошо, свинья такая, я тебе это припомню.

Потом поползли холмы, болота, дремучие леса, но, к счастью, не сплошной стеной, иначе сообщение между баронствами Хребта и королевством Барбароссы давно бы прервалось. Мы огибали эти леса, и всякий раз сэр Макс и Килпатрик с лучшими воинами прикрывали нас.

Частенько натыкались на троллей, гоблинов и лярв, но обходилось обычно без стычек. Завидев большой отряд, лесные жители обычно убегали. Только однажды молодой орк оказался настолько глуп, что попытался напасть на тяжеловооруженных рыцарей.

Я попытался выезжать вперед, высматривая дорогу, но бурно протестовала не только леди Беатрисса, но и воины. И хотя все беспокоятся, как бы не остаться без главы, я в свою очередь подумал, как бы с моими разведками не остаться без отряда.

Когда вернулся в очередной раз, леди Беатрисса сказала в великом раздражении:

– Почему вы, сэр Ричард, настолько упрямый?

– Это комплимент?

Она вскинула брови:

– Как вы могли подумать? Или вы настолько в себя влюблены?

– Себя надо любить, – объяснил я. – Это единственная верная любовь.

Она фыркнула:

– Ну знаете ли...

– А вот знать не нужно, – сообщил я. – Отец Бонидерий скажет вам, что нужно верить. Это важнее, чем знать. Чувства обманчивы, а вера... о, вера, двигает горами!

Она слушала мою чушь с вымученной улыбкой, понимает женским чутьем, что это мои доспехи, которые поспешно надеваю, дабы не впустить в себя нечто... или не выпустить, кто знает.

– Вера тоже обманчива, – ответила она серьезно. – Верить во что-то искренне и чисто, а потом оказывается... Вы что, никогда не ошибаетесь?

– Если бы, – вырвалось у меня. – Я весь ошибка природы. Пойду повешусь. Если, конечно, найду дерево, которое согласится меня подержать на ветке. Мы едем уже по вашим землям?

– Давно, – ответила она с легкой грустью. – Теперь это

ваши...

Я покачал головой:

– Ваши.

– Нет, ваши.

Я покрутил головой чаще:

– Нет! Вы же понимаете, я не стремлюсь их заполучить.

Она кивнула:

– Понимаю. Приказ вашего короля.

– Он не мой король!

– Да, я что-то во дворце об этом слышала... Хотя и не поняла, почему тогда выполняете его приказы.

– Это не приказы, – ответил я безнадежным голосом, – неужели не понятно, что и король нуждается в помощи, поддержке и сочувствии? К тому же, укрепив один камешек, можно не дать обрушиться большой лавине. Умные люди... гм, да, люди, подсказали, что король Барбаросса – тот еще камушек. А я, раз уж назвался паладином, должен лезть в кузов. Вот и залез! По самые, да. Уши.

Глава 9

Будакер обращается с леди Беатриссой предельно вежливо, всякий раз старается поцеловать ей руку, она всякий раз улыбается и опускает глаза. Я чувствовал, как горячая злость поднимается к сердцу, и, чтобы чем-то отвлечься, подзывал Пса, и мы мчались вперед, высматривая дорогу.

Погода хорошая, день теплый, по обе стороны дороги колосится пшеница. Крестьяне бросали работу и махали нам руками, а кто узнавал леди Беатриссу, становились на колени и радостно приветствовали ее. Склоны зеленых холмов как снегом усыпаны, столько там овец, ниже пасутся стада тучных коров с отвисшим выменем, мелкие озера переполнены гусями и утками.

Богатые земли, отметил я. Но это я заметил еще тогда, когда ехали с братом Кадфаэлем и сэром Смитом через эти земли. Знал бы, что это будут мои земли, присмотрелся бы лучше. Или заранее отвертелся бы от слишком близкой дружбы с Барбароссой, что теперь лежит на мне тяжелым бременем.

Я старался держаться либо в авангарде, либо в арьергарде, высматривая возможные опасности, я же могу больше, чем другие, но понимал, трус несчастный, что просто избегаю близкого общения с леди Беатриссой. Между нами столько недоговоренностей... и в то же время оба понимаем, что луч-

ше им так и оставаться недоговоренностями.

Но время от времени наши кони как будто сами, по своей воле, оказывались рядом. И вот мы общаемся на людях, как будто между нами нет этого страшного напряжения, дивной общности душ и всего того, что Фрейд сумел так опошлить, сведя к одухотворенным половым инстинктам.

Сейчас, на удивление, она не отвернула голову, взгляд кроток и печален, а голос звучит очень серьезно и очень невесело:

– Это горько и несправедливо, но в этом мире женщине нельзя одной... Так считается, хотя я не понимаю этого. Мне прекрасно одной, но все настаивают, что я должна как можно быстрее выбрать мужа, который будет бдить и защищать.

– К сожалению, – сказал я, – это мужской мир.

Она бросила на меня быстрый взгляд:

– К сожалению?

– Леди, я же сказал, в моем королевстве женщины равны с мужчинами. Но вся беда в том, что у нас женщины хотят получать, как мужчины, а отвечать, как женщины... То есть никак не отвечать за свои проступки.

Она покачала головой, голос прозвучал упрямо:

– Не знаю, о чем вы говорите, но Саксон прекрасно мог бы меня защитить, вовсе не становясь моим мужем! Но все твердят о необходимости замужества. Думаете, я не перебирала всех подходящих на эту роль? А когда перебрала... принялась и за неподходящих!

– Увы?

– Увы, – согласилась она. – В конце концов я поняла, что придется выбирать между тремя в самом деле достойными рыцарями: графом Странженом, бароном ля Бержем и бароном Энгельярдом. Все достаточно уважаемые сеньоры, все трое пользуются хорошей репутацией. Правда, граф Странжен схоронил уже трех жен, но все они умирали от болезней, граф ни при чем, он их не убивал... хотя, как все сразу отметили, владения жен переходили к нему. Но все-таки у него репутация честного человека, к тому же он храбр и силен, всегда сражается впереди своих войск...

– А барон, как его, ля... ля... ля-ля-ля...?

– Ля Берж?

– Да, он самый.

– Ля Берж силен, красив и достаточно молод. Этот граф больше, чем вдвое, старше меня, а ля Берж почти мой ровесник. Он богат, влиятелен, умен, хотя многие уверяют, что это не ум, а хитрость и пронырливость. Я видела его дважды и, скажу честно, мне он очень не понравился. Что-то в нем есть такое, отталкивающее женщин.

– Может, – предположил я, – не всех?

Она зябко повела плечами:

– Я как-то упомянула его в разговоре с леди Дестиной, это жена сэра Терри, так она, оказывается, такого же мнения... Ну а третий, барон Энгельярд, показался самым лучшим на роль мужа. Он почти не бывает в своих землях, постоянно

в дальних походах...

Я засмеялся:

– Ну да, идеальный муж, это слепоглухонемой капитан дальнего плавания.

– Моряк?

– Да, – подтвердил я. – Выходить замуж надо всегда так же, как умираем. Только тогда, когда невозможно иначе.

Она грустно улыбнулась:

– А про вас говорят, что никогда не рано поздно жениться. Так что мы квиты. В смысле, мужчины и женщины... в своих оценках друг друга.

– Если верить этим оценкам, мужчины и женщины ненавидят друг друга!

Я проглотил вертящиеся на языке замечание Ларошфуко, что если судить о любви по обычным ее проявлениям, то она больше похожа на вражду, чем на дружбу. И вообще в голову сразу же лезут шаблонные сентенции вроде того, что глупые женятся, а умные выходят замуж, обручальное кольцо на пальце у мужчины означает – осторожно женат, а у женщины: смелее, я все равно замужем, и подобная хрень, у нас у всех черепа заполнены такими готовыми мудростями.

Я увидел его издали, память сразу подсказала, что это не простая громадная ящерица размером с толстого крокодила, это же и есть... Их кустов выпорхнула птичка, поспешно замахала крылышками, взлетая, и вдруг рухнула на землю

камнем. Упала на ровное место, даже травы нет, и я отчетливо видел, как о землю шлепнулась каменная фигурка.

– Чтоб ты сдох... – прошептал я. – Бобик, сидеть!.. Зайчик, стоять!

Я торопливо соскочил на землю, кто знает, вдруг да моих петов превратит в камень с такой же легкостью, взял в руки лук и пошел вперед. На большом валуне посидел с минуту, приспособливаясь к переходу на тепловое зрение, добавил еще и запаховое, поднялся и пошел так же осторожно, присматриваясь ко всем багровым, красным и даже оранжевым силуэтам.

Странное дело, трижды видел в тепловом зрении отдельные пучки травы, хотя это нелепо. Правда, может быть, это не простая трава или даже не совсем трава. Либо теплокровная трава, либо какое-то животное мимикрирует под траву.

Глаза мои все время шарили в поисках крупных источников тепла, а когда перешел через гребень, по глазам как огненной вспышкой стегнуло: нечто, похожее на осколок солнца, быстро передвигается в мою сторону – ярко оранжевое, почти белое, кипящее, нагревающее воздух вокруг себя так, что и тот начинает светиться багровым огнем.

Я быстро поднял лук, начал выпускать стрелу за стрелой. Когда смотришь в тепловом излучении, глаз не видишь, стреляешь наугад, по памяти, восстанавливая, где у монстра мозг, где уши, где раскрытая пасть.

Василиск вроде бы замедлил движение, одновременно я

ощутил странную слабость, все члены похолодели, кровь заструилась медленнее, мысли начали замерзать. Василиск уже подполз совсем близко, я отбросил лук, выхватил меч и, ориентируясь на этот ком огня, сделал шаг в сторону и, вскинув тяжелый меч, с силой опустил на чудовище.

Лезвие меча Арианта тряхнуло, словно проходит через вязкий камень, затем от огромного бревна отделился приличный кусок. Я поспешно перешел на обычное зрение. У моих ног щелкает пастью страшная голова, глаза все еще смотрят с ненавистью, но их завлакивает пленка смерти.

Донесся топот, мои рыцари мчатся в мою сторону, вздымая мечи. Еще не поняли, что случилось, но раз я покинул седло и меч оставил ножны – надо спешить.

Сэр Макс первым доскакал до утыканного стрелами монстра, его меч взлетел над головой... затем упал в ножны. Килпатрик и Будакер остановили коней рядом, те плясали под ними и не хотели успокоиться, василиск даже мертвый нагонял безотчетный ужас.

– Сэр Ричард! – воскликнул Макс. – Я еще не слышал, чтобы кто-то убил василиска.

Будакер поправил:

– Старый Кенкерд убивал, и не одного. Но у него был волшебный плащ...

– ...и это легенды, – закончил Макс задорно. – Как и Угарли – Убийца василисков, что жил тысячу лет назад и летал, подобно птице. Все это бабьи сказки, но сейчас я вижу уби-

того василиска!

Я отмахнулся:

– Вы лучше скажите, он съедобный? Обычно у ящериц мясо неплохое. Главное, нежирное.

– Так что тут хорошего? – не понял Макс. – Жирное мясо – это мясо. А нежирное – вроде и не мясо вовсе... Сэр Ричард, я никогда даже не слышал, чтобы василиска ели!

Килпатрик хохотнул:

– Будем первыми.

Я посмотрел на небо:

– Тогда небольшой привал. Коней распрячь, напоить, пусть отдохнут. А мы посмотрим, что это за деликатес...

Ворпед, вздыхая и часто крестясь, взялся разделявать редчайшую добычу. Он считается мастером, может шкуру снять так, что остается цела вся, а тушу любого зверя вытаскивает через пасть, сделав всего пару крохотных надрезов.

Отец Бонидерий освятил василиска и прочел над ним очистительную молитву. Все сгрудились и жадно смотрели, как Ворпед ловко расчленяет тушу на части. Нож ни разу не наткнулся на кости, даже между суставами проходил, словно и не касался, куски отваливаются будто сами по себе. Их подхватывали и торопливо нанизывали на прутья.

У костра все спорили о природе василисков, а Ворпед, обычно немногословный, наконец сказал с явным неудовольствием:

– Ну что вы навывдумывали? Василиск вовсе не смотрит

на тех, кого хочет сожрать. Он же не камнями питается, понимать надо!..

– А как же ловит? – спросил Килпатрик.

– По слуху.

– Ага, глаза закрывает!

– Ты зубы не скаль, он в самом деле все по слуху, как слепой. Но если добыча не по зубам, василиск может и посмотреть.

Будакер подал голос:

– По-моему, они вообще глаз не открывают. Ну, почти не открывают. Это если на него кто сам нападет, тогда да, посмотрит.

Ворпед продолжал рассудительно:

– Если он будет на всех смотреть, вокруг останутся камни, а сам он с голоду подохнет. Но вы ж видите какой толстый...

Василиск оказался в самом деле крупный и упитанный, хватило на всех, погрызли даже кости, вдруг именно там внутри вся его сила. Мясо василиска, как говорят, придает мужскому взгляду твердость, мышцам силу, а самое главное – увеличивает главную мужскую силу, что для нас так важно. Во всяком случае, говорят, что увеличивает.

Дальше двигались на рысях, останавливаться приходилось иногда из-за леди Беатриссы. Она быстро уставала везти яйцо дракона, подвешенное на палке, это чтоб не стучало о конскую упряжь, рыцари тут же вызывались помочь, и на-

чиналась неразбериха, когда каждый уверял, что знает, что делает, а леди Беатрисса визжала, что вот-вот уронят дракончика.

Я снова выезжал вперед, но однажды на взмыленных конях догнали Макс и Килпатрик, взволнованные, Макс побелел, да и Килпатрик выглядит не на шутку испуганным.

– Сэр Ричард! – кричал Килпатрик, – дальше ни шагу!

Я поспешно остановил Зайчика, свистнул Псу. Впереди прекрасная долина, сочная зеленая трава по пояс, вспыхивают искорки на слюдяных крыльях стрекоз. Я сосредоточился и, сфокусировав зрение, рассмотрел на стеблях толстых кузнечиков. К одному медленно-медленно подбирался богомол.

Простучали копыта коня Будакера, он остановился возле меня, Ворпед и остальные рыцари тоже придержали коней. Лица их стали очень серьезными, а у Ворпеда впервые побледнело и даже вытянулось, что совсем уж дико. К моему удивлению сэр Макс торопливо перекрестился, Килпатрик потрогал амулеты. Подъехал отец Бонидерий и начал читать молитву.

Я спросил тихонько:

– Что случилось?

Макс ответил шепотом:

– Эта долина Молчаливого Стрелка.

Я привстал на стременах, огляделся:

– А где он?

Макс сказал с тоской:

– Если бы знать! Он у нас бы кровью умылся. А потом я, хоть и христианин, с него бы живого шкуру снял и насадил бы на кол.

– Шкуру?

– Из шкуры сделал бы сарацинский барабан. А пока этот гад корчился бы на колу, издыхая медленно, я бы перечислял всех, кого он убил, сволочь...

Будакер откашлялся, лицо мрачное, сказал неприятным голосом:

– Сэр Ричард, никто не знает, кто он. И где прячется. Скорее всего, это не человек. Возможно, какой-то из древних богов. Он живет в этой долине и не терпит человеческой речи. Потому только самые-самые смельчаки отваживаются пересечь ее, а купцы проложили дороги в обход.

Я поинтересовался:

– А как пересекают эти смельчаки?

Он буркнул еще мрачнее:

– Нельзя вымолвить даже единого слова. Даже шепотом! Тут же щелчок, и ты падаешь, пронзенный стрелой. А потом стрела исчезает, словно превращается в пар. Но ты все равно мертв...

Я посмотрел на долину, дальний край упирается в гряду холмов, уже не зеленых, а покрытых деревьями с оранжевой и красной листвой. Там Молчаливый Стрелок уже не тронет...

– Ясно, – ответил я. – Но раз уж мы приехали сюда, а не

в обход, то я понимаю, поедем прямо?

Макс вздохнул:

– Зная вас, сэр Ричард, я предполагал, что если повернем, вы тут же спросите зачем. И все равно с вашим бара... гм... благородным рыцарским упрямством восхотите проехать здесь. Так что распорядитесь, чтобы все закрыли рты... нет, просто напомните, про эту долину все знают, и... да благословит нас Бог!

Будакер покосился на леди Беатриссу.

– Наше счастье, что с нами такая женщина. Другую бы никто не заставил перестать щебетать.

Я кивнул, старался не оглядываться, хотя сердце трепещет именно за нее, женщины непредсказуемы, вдруг да захочет щебетнуть, но взял себя в кулак и первым направил коня вниз в зеленую чашу.

Трава, как трава, а долина, как долина. Я сперва предположил, что неведомый стрелок настроен убивать все млекопитающее, но вскоре из-под копыт выпрыснула пара зайцев. Наверное, Молчаливый Стрелок убивает только тех, чья живая масса близка к массе человека, однако увидел олениху с олененком, пасутся спокойно. Олениха посматривает настороженно, готовая в любой момент пуститься в бегство. Видимо, в самом деле настройка только на человеческий голос, что вообще-то глупо. Вон как просто даже примитивные люди нашли способ преодолевать опасную долину... Возможно, когда-то настройка была даже на знаки различия, но спе-

циалисты погибли, а кто-то малограмотный сумел настроить только на звуки человеческой речи...

Внезапно жутко захотелось сказать хоть слово. Пусть даже шепотом. Самым-самым тихим. А если пройдет – чуть громче. А потом еще громче...

Я стиснул зубы, оглянулся в тревоге. Всадники настегивают коней, те чувят общую тревогу и несутся карьером. Я остановил Зайчика, пропуская мимо себя отряд, успел перехватить взгляд расширенных в страхе глаз леди Беатрисы, но не решился даже улыбнуться подбадривающее, а то вдруг у нее в ответ вырвется слово...

Загнанные кони шатались и хрипели, когда зеленая равнина осталась позади, а отряд вскарабкался на холм. Я покидал долину последним, зудит сказать хоть слово нестерпимо, я стискивал челюсти, скрипел зубами, ну что мы за люди, почему обязательно надо потрогать пальцем скамейку с надписью «Окрашено», открыть дверь в трансформаторную будку с устрашающим желтым черепом, переходить улицу в неполюженном месте?

Мы ехали тесной группой, сломав привычный строй, все наперебой высказывались о долине Молчаливого Стрелка. Сэр Макс оглянулся на меня, обеспокоенное лицо озарилось угрюмой улыбкой.

– Сэр Ричард! Как думаете, войско Его Величества прошло бы здесь?

Я проворчал:

– Наполеон, был такой полководец, потерял половину своей армии на дорогах одного королевства, не встречая противника. У Барбароссы было бы то же самое...

Килпатрик возразил:

– Его Величество не послал бы войско такой дорогой! Он оберегает людей.

Я поморщился.

– Скажи еще, из человеколюбия.

Килпатрик явно не знал, что это за странное слово, посмотрел с вопросом в честных глазах взрослого ребенка, кем были и всегда останутся рыцари, я вельможно отмахнулся. – Не бери в голову. Власть, собственно, и есть запатентованное насилие. Все лорды стремятся стать королями, считая, что именно их способ ограбления населения наиболее справедливый.

Примчался Пес, в пасти болтается огромная щука с подозрительно длинными перьями, а Пес абсолютно сухой, будто перехватил, когда перелетала в соседнее озеро.

Килпатрик перекрестился:

– Господи, да где он их берет?

– Он уже взрослый, – ответил я, – следить за таким ребенком неприлично. Хотя, конечно, интересно... Бобик, отдай Килпатрику!

Килпатрик взял с опаской, щука начала бешено вырываться, блестя серебряной чешуей, вцепилась острыми зубами в

край его кольчуги. Я услышал металлический скрежет, стальная проволока оказалась перекушенной, будто алмазными клещами.

Килпатрик с проклятием бил озверевшую рыбу кулаком в стальной перчатке. Подскакали рыцари и наперебой советовали, что делать, но все хихикали и переглядывались, Килпатрик покраснел, какой позор, дерется с обидевшей его рыбой...

Я поискал глазами леди Беатриссу, рядом с нею едет сэр Будакер, между ними палка с подвешенным в одеяле яйцом дракона. Беседуют мирно, в сердце снова шевельнулась ревность. Чтобы не видеть их лиц, я пустил коня вперед.

Далеко впереди над низкими кустами подскочил олень, явно отсыпался, очумело уставился на скачущих в его сторону всадников. Сэр Макс засвистел, заулюлюкал, олень наконец развернулся и бросился прочь. Спросонья все не мог набрать скорость, но наконец начал отрываться все дальше и дальше.

Я прикрикнул на Бобика, тот нацелился догнать и свернуть соне шею, это же готовый обед уходит, мы некоторое время наблюдали за удаляющимся золотым телом, как вдруг сэр Макс вскрикнул:

– Сиреневая Трава!.. Она перебралась!

Разговоры оборвались, все вытянули головы. Я и не обратил бы внимание, что трава дальше сиреневая, даже не такая уж и сиреневая, а зеленая с примесью этой сиреневости:

весь лес в оранжевых листьях, пурпурных, багровых, багряных, ярко-красных, желтых – золотая осень в разгаре, так что и трава меняет цвет перед наступлением заморозков... но олень вбежал в эту сиреневость с разбегу, сразу забеспокоился и торопливо свернул, чтобы и не возвращаться к нам, страшным людям, и не пытаться пересечь все поле с этой низкорослой травой...

Потом он подпрыгнул несколько раз, мы видели на его копытах и бабках прилипшие стебли травы, сэр Макс выругался, а Килпатрик пробормотал:

– Ну что же ты, дурак... Еще успеешь вернуться...

– Не тронем! – крикнул Макс и замахал руками. – Возвращайся, дурачина...

Подъехали леди Батрисса и Будакер, Будакер оценил взглядом расстояние и сказал трезво:

– Не успеет.

– Может успеть, – возразил Макс, – если сразу в нашу сторону. Тут всего шагов двадцать.

– Так олень еще дурнее тебя, – заметил Килпатрик. – И рога больше... А может, и нет...

Макс бросил ладонь на рукоять меча.

– Но-но!

– Нет-нет, – сказал Килпатрик испуганно, – беру свои слова назад. Олень ничуть не умнее тебя!

Макс насупился, чувствуя, что изворотливый Килпатрик снова его уел, но не мог уловить, где, а я, не слушая больше,

смотрел как прыжки оленя становятся все слабее и слабее. Наконец он, уже не подпрыгивая сделал три тяжелых шага, стебли травы прилипали к его коже, другие как выюнки быстро оплетали ноги и поднимались все выше и выше.

Я успел увидеть как возле оленьих копыт поднялись из земли зеленые травинки, начали подниматься, словно при ускоренной съемке, обрели зловещий синеватый оттенок, роднивший их со сталью, обвили копыта... а некоторые даже сумели пронзить копыта, словно мягкую глину!

Олень закричал почти человеческим голосом, упал, трава сомкнулась над ним. Макс медленно выругался. Сквозь олений бок, покрытый золотистой шерстью, начали подниматься окровавленные стебли. А тело оленя все опускалось, будто под ним работает бригада кротов, вскоре осталась только трава, одна трава, а кровь потемнела и осыпалась.

– Объедем, – сказал Будакер. – Хорошо, олень попался первым...

– Да мы бы заметили, – возразил Килпатрик. – Что, про Сиреневую Траву не знаем?

– Знать одно, – буркнул Будакер, – а все равно могли забыть и поскакать напрямик...

Я спросил раздраженно:

– А почему не уничтожат? Это ж не тролли в лесу, которых еще найти надо?

Килпатрик отъехал и уже махал оттуда, указывая, где пройти безопаснее. Трава не так уж и много места заняла,

мы все направили коней в его сторону, Будакер начал объяснять недовольно:

– А кому этим заниматься? Если закрепиться на этих землях, вот тогда и... но, думаю, все равно не до травы будет. То бароны бунтуют, то лесные люди выходят грабить целыми племенами, то еще что посерьезнее травки.

– Понятно, – сказал я.

Глава 10

Тропка сузилась, справа и слева огромные камни, еще дальше по левую руку пологий холм с обрывистой стороной там, где проходить отряду. Килпатрик начал тревожиться. Я сам видел, что место просто идеально для засады. Макс велел всем опустить забрала и держать оружие наготове. Я выехал вперед, потом решил, что если и нападут в таком удобном месте, когда отряд вынужден растянуться в длиннющую цепочку, то нападут сейчас, торопливо вернулся.

Запаховое зрение только заставило ухватиться за конскую гриву, легкий ветерок уносит запахи от нас, я вижу лишь то, что сзади, тепловое тоже ничего не дает при такой жаре... Я вздрогнул, склон холма усыпан равномерными багровыми пятнами, но слишком расплывчатыми, чтобы сразу определить...

– Тревога! – заорал я. – Оружие – к бою!

Лязгнуло железо, все закрывались щитами, я обнажил меч и пустил коня вперед. Тепловое зрение погасил, склон покрыт обычным зеленым дерном, я уже чуть было не усомнился, как вдруг по всему склону дерн начал взлетать, отброшенный нетерпеливыми руками. Из неглубоких ямок выскакивали полуголые люди, невысокие, но с мощно развитыми фигурами. С дикими криками ринулись вниз по склону, там наши сдвинули ряды, изготавливаясь выдержать удар.

– Всем стоять! – заорал я, меч в моей руке уже рассекал тела справа и слева, Зайчик дико ржал и бил копытами. Примчался Пес, я страшно гыркнул на него: – Тебе что было велено? Охраняй леди Беатриссу!

Он виновато умчался, вокруг меня снова собралась толпа, но Зайчик разбивал копытами больше черепов и грудных клеток, чем я доставал мечом, и противники меня оставили, ринулись вслед за остальными, что уже сражались с нашими.

Я повернул коня, на месте моего отряда дикая свалка. Напавших намного больше, однако Макс и все рыцари с оруженосцами держат боевой порядок, леди Беатрисса за их спинами. Я с облегчением вздохнул и тут же, заорав, ринулся на полуголую толпу, меч превратился в сверкающую полосу, а копыта Зайчика топтали чужаков, как будто это сочные подсолнухи.

Макс, Килпатрик, Будакер – рубятся отчаянно, вокруг них уже вал трупов, я пробивался к ним, повергая, опрокидывая, рассекая брызгающие кровью тела. Ко мне обернулись, я услышал дикий вой, двое метнули топоры, я принял на щит, в ответ коротким взмахом срубил обоим руки.

Вой стал громче и отчаяннее. В сторонке один из нападающих, рослый и в дорогой кольчуге, быстро и ловко стрелял из лука. Трое свирепого вида воинов не позволяли нашим приближаться к нему, а лучник скалил злобно и торжествующе зубы: стрелы находят цель. Он увидел мое приближение, лицо перекосилось, быстро повернулся в мою сторону,

но стрела уже слетела с тетивы.

Трое его телохранителей прыгнули на меня, как пантеры. Зайчик успел одного встретить ударом копыта, тот рухнул с проломленной грудью, второго я сразу достал мечом, одновременно укрываясь от топора третьего. Тот ударил с такой силой, что зазвенело в ушах, а рука моя со щитом онемела по локоть.

Вожак быстро наложил новую стрелу на лук, глаза его с ненавистью не отрывались от моего лица. Вдруг я услышал отчаянный крик. Леди Беатрисса выметнулась из-за спины Будакера и послала коня галопом ко мне. Она выкрикивала что-то вроде «Майдэй» или «Маздай», за шумом я не слышал. Стрела сорвалась с лука, я пытался поднять щит и чувствовал, что не успеваю с онемевшей рукой. Леди Беатрисса оказалась между мной и стрелком, быстро обхватила меня руками. В этот миг я ощутил страшный удар.

Одновременно вскрикнул вожак нападающих. У меня в глазах потемнело, мелькнула мысль, что вот сейчас и каюк, однако лязг железа и крики начали отдаляться, а потом и вообще затихли в отдалении. Я слышал только хрипы измученных схваткой бойцов, сдержанные стоны раненых.

Мелькнуло белое оперение стрелы, что торчит из спины прижавшейся ко мне леди Беатриссы. Я попытался передать ее подскакавшему Будакеру, но побоялся выпустить из рук.

Рядом оказался сэр Макс, вскрикнул:

– Эта сволочь... он убил леди Беатриссу!

Я скрипел зубами, Зайчик попятился, холод накатывает волнами, я чувствовал, как силы покидают меня. Леди Беатрисса обмякла в моих руках, глаза на смертельно бледном лице закрыты, дышит тяжело, на губах показалась кровь.

– Не умирай, – попросил я. – Только сейчас вот не умирай...

Я вложил всю жажду, чтобы она жила, пальцы мои, скользкие от крови, ухватились за стрелу. С этой стороны зазубренный наконечник, я торопливо отломил хвостовое оперение и потащил стрелу за острый, еще теплый от крови клюв. Леди Беатрисса вскрикнула тонко и жалобно, как птичка, глаза широко распахнулись, из них брызнули слезы.

– Потерпи, – шепнул я, – потерпи, любимая...

Пальцы мои в крови, словно рылся в ее внутренностях. Стрела наконец вышла вся, зловеще красная, леди Беатрисса бросила на нее взгляд, побледнела, как полотно, и потеряла сознание. Я изо всех сил старался влить в нее жизнь и заживить рану, слез с коня, держа ее на руках.

Подбежал с чистыми повязками отец Бонидерий, я велел жестко:

– Святой отец, если вы сейчас же не возмолите Господа нашего, чтобы он явил чудо и вылечил леди Беатриссу... как и других моих солдат, то, клянусь небом, я разрушу все церкви, которые встречу на пути!

Он вскрикнул испуганно:

– Сын мой, как можно!

– Молитесь, – велел я грозно.

Он упал на колени и громко вознес молитву о даровании всем сил и здоровья. Молил Господа смиловаться над нами, простить и меня, грешника, который брякнул такое не по злобе, а из желания добра всем...

Леди Беатрисса все еще оставалась без сознания, но рана ее затянулась. Я с великим облегчением перевел дух, с нею остались Будакер и Килпатрик, а я отправился осматривать своих раненых. К счастью, ни одного убитого, что значит превосходные доспехи и отменная выучка, но доспехи помяты почти у всех, а у пятерых кровь вытекает через все трещины.

Я каждого трогал и уверял, что отец Бонидерий сейчас молит Господа заживить нам раны, так как правда на нашей стороне. Мне в ответ слабо улыбались, но когда я кое-как доковылял до последнего раненого и утешил его, меня сотрясал озноб, зубы стучат, как при лихорадке, а желудок начал переваривать сам себя.

Свершилось чудо: страстная молитва отца Бонидерия достигла все-таки небес. Раны у рыцарей затянулись, и пусть не до конца, но легкие раны зажили, а серьезные перестали угрожать жизням. Место опасное, но до вечера не трогались с места, собирали раненых и осматривали убитых. Некоторые из рыцарей с ходу предположили, что это дикие ярпеги, мол, снова вышли из лесов, как бы опять не захватили весь

край, пора созывать народ и загонять дикарей обратно, но более знающие высмеяли, дескать, где же дикость, если и доспехи хороши и оружие в порядке. А что вместе мечей топоры, так ими в бою удобнее. А мечи это больше для красоты.

– Галлисы, – определил один с видом знатока. – Или родственные им. Вооружение хуже, чем обычно, зато сражались яростно...

– Франки дерутся сомкнутым строем, – добавил второй. – И хотя мы идем по земле франков, но это не франки...

– Но и не совсем галлисы...

Я все вспоминал вскрик леди Беатриссы насчет майдея или мастдая, в голове крутится какое-то смутное воспоминание. Такое ощущение, что уже слышал, но явно настолько издалека и самым краешком уха, что в сознании не отложилось вовсе.

Она коротко взглянула в мою сторону и торопливо отвернулась. Я сел рядом, в голове ни одной мысли, только нежность пополам со щемом.

– Вы хоть поняли, – спросил я, – кто это был?

Она отвернулась. Я взял ее за плечи, она противилась, но я повернул к себе:

– Леди Беатрисса, кто это был?

Она потрясла головой, опустив глаза:

– Не знаю.

– Хорошо, – ответил я зло, – кто бы это ни был, я отыщу его очень скоро! И развешу его кишки на десяток деревьев.

Она вздрогнула:

– Что вы такое говорите?

– Он умрет, – пообещал я. – Умрет страшной смертью.

Она затрясла головой:

– Нет-нет, это была ошибка!

– Ошибка?

– Да.

Она старалась уклониться от разговора, я снова ухватил ее за плечи и заставил посмотреть мне в глаза.

– Кто это был? Ваш красавец виконт Франсуа де Сюрьенн?

Слезы брызнули из ее глаз.

– Как вы можете быть таким жестоким...

– Это был он?

– Нет, конечно... Конечно же, нет!

– А кто? Леди Беатрисса, я жажду крови этого мерзавца. Я убью его. И убью жестоко. Если хотите смягчить его участь, скажите мне все. Все!

Она долго отмалчивалась, но я не выпускал ее из рук, наконец она сказала очень тихо:

– Я очень не хочу, чтобы вы думали, что это виконт Франсуа.

– Тогда скажите, кто это был!

Она сказала еще тише:

– Я не хочу, чтобы вы его убивали.

– Как? – переспросил я. – Он чуть не убил вас!

– Он не хотел... Он целил в вас. А когда понял, что попал

в меня, он изломал лук и ушел...

– Даже изломал лук? – переспросил я саркастически. – Я такой красивой детали не увидел. Так кто это был?

– Пообещайте, что не убьете его...

– Нет, – отрезал я. – Как я могу?

– Я этого очень хочу... Я настаиваю...

Голос ее стал отчаянным, я ощутил как на мою ладонь за- капали частые слезы. Я удержался от импульса вытереть ру- ку, поднял ее лицо с мокрыми дорожками на щеках, загля- нул в потемневшие фиолетовые глаза.

– Кто это был?

– Не скажу...

– Хорошо, – сказал я, – вы можете рассчитывать на мою... рассудительность, что ли. Как бы я ни кипел от ярости, но я не дурак и не сволочь. Я поступлю все-таки так, как нужно, а не как мне хочется.

Она прошептала:

– А нужно... это как?

– Нужно, – ответил я, – по божеским, как говорят, зако- нам. То есть выполнять самые простейшие нормы челове- ческого общежития. Бог дал нам их самые простенькие, как для червяков, а дальше велел самим развивать, дополнять и совершенствовать.

Она глубоко-глубоко вздохнула, как ребенок после долго- го плача.

– Хорошо. Это был Маздэй.

Я переспросил:

– А кто этот Маздэй... Почему о нем такая забота?... Поймай, я что-то слышал. Это не...

Я запнулся, она закончила:

– Мой двоюродный брат. У меня их двое: Маздэй и Люберт. Мы воспитывались в детстве вместе, они меня любят, и я их люблю. Когда они услышали, что мои земли отдали какому-то любимчику Барбароссы, они пообещали собрать войско и прийти на помощь. Вот и...

Кулаки мои стиснулись, череп начал нагреваться. И так узел туже некуда, а тут еще эти братья... Что я им скажу?

– Не реви, – проговорил я. – Я не стану их убивать. Я верю, что он попал в тебя случайно...

Она подняла заплаканное лицо, в глазах недоверие.

– А то, что стрелял в тебя?

Я отмахнулся:

– В меня столько стреляло, бросало камни и било мечами, что если их всех убивать... Да и Господь велел прощать. Правда, я обычно отомщу, а потом прощу, но в этом случае, понятно, сделаю исключение...

Она затихла надолго, шепнула наконец:

– Спасибо...

В нашу сторону направился, нарочито громыхая железом, сэр Макс. Отдал салют, сказал четким военным голосом:

– Сэр Ричард, уже темнеет. Не хотелось бы оставаться на ночь в таком неудобном месте. Вдруг повторят попытку?

Я бросил косой взгляд на леди Беатриссу.

– Не повторяют, это точно. Но место надо поменять, иначе какой сон...

С утра все рыцари, даже тяжелораненные, чувствовали себя настолько хорошо, что взобрались на коней. Ехать недалеко, леди Беатрисса заверила, что к вечеру доберемся... до ее замка. При последних словах голос дрогнул, пытливо посмотрела на меня, вдруг поправлю ревниво, но я слушал с равнодушным лицом, это же само собой разумеющееся.

Я если и буду претендовать на что-то, то лишь на башню с нехорошей славой. А так мне и башни самой не нужно, а только ее верхний этаж. Даже лишь тот участок стены, где тайная дверь в комнату, которую доблестно охранял герцог Луганер.

Отец Бонидерий ехал на муле горделивый настолько, что я едва не напомнил ему, что гордыня – смертельный грех. Человек не должен впадать в гордыню уже потому, что гордыня останавливает его развитие, совершенствование. Господь это понял и запретил гордиться. Кто гордится, тот перестает качать мускулы. А ему, Господу, зачем-то нужно, чтобы люди качались, стремились, совершенствовались, карабкались выше и выше по лестнице то ли эволюции, то ли еще чего, мне это пока по фигу. Я просто карабкаюсь.

Я первым услышал далекий стук копыт, сразу же послал Зайчика вперед. Кто-то скачет нам навстречу, и, судя по уда-

рам копыт, конь на последнем издыхании.

– Вперед, – сказал я Зайчику, – возможно, спасем хотя бы коня...

Меня бросило на круп, я с трудом преодолел встречный ураган, прижался к конской шее и тут же Зайчик остановился с такой бесцеремонностью, что я едва не сполз по его шее ему же на голову.

Скачущий навстречу всадник остановился, конь хрипит и шатается, широко расставив ноги. Я свистнул сквозь зубы, поспешно прыгнул на землю и успел подхватить падающего человека. Молодой парень, из спины торчат три стрелы, рубашка в крови. Синие губы шевелились, он пытался что-то сказать, я перебил:

– Успеешь!.. Сейчас отвезу к нашему лекарю. Он же святой отец. Мертвых поднимает!

По бледному лицу скользнула слабая улыбка, но я уже держал его крепко, передавая часть жизни. Потом забросил на своего коня, поспешно вернулся к отряду. Завидев нас, скачущими обратно, Макс тут же послал по два человека в стороны разведать обстановку, сам с двумя рыцарями, все с обнаженными мечами, оказались передо мной.

– Это кто?

– Один из челяди леди Беатриссы, – ответил я отрывисто. – Всегда такая тихая мышка...

Пока снимал с седла и укладывал на траву, послышался дробный стук копыт лошадки леди Беатриссы. Я услышал

горестный вскрик:

– Это же Патрик!

– Тот самый? – спросил я. – Это в его честь ирландцы устраивают шествия?

– Это Патрик, – повторила она со слезами на глазах. – Он такой преданный и услужливый.

К нам заспешил отец Бонидерий, возложил руки на чело парня и начал торжественно читать молитву. Я заботливо поддержал свисающую руку парня, холодок от ладони и до самого плеча показал, что в самом деле был при смерти, но теперь все позади, раны начинают быстро затягиваться.

Я быстро отошел, а Патрик открыл глаза и, отыскав взглядом леди Беатриссу, сказал торопливо:

– Леди... Вам нельзя возвращаться...

Все насторожились, Макс и Будакер одновременно бросили ладони на рукояти мечей и огляделись, как в синхронном плавании. Леди Беатрисса спросила испуганно:

– Что... что случилось?

– К графу Хоффману подошел большой отряд. Он... самовольно впустил их. И... захватил ваш замок.

Гробовая тишина, леди Беатрисса вскрикнула:

– Он посмел?

– Это не все, – прошептал Патрик.

– Что еще?

– Он объявил вас изменницей...

Она вскрикнула в ужасе и негодовании:

– Он же клялся в вечной дружбе!

Никакие клятвы перед женщиной не обязательны, подумал я, потому что женщина – не человек. Но смолчал, слушая рассказ Патрика, как воины графа неожиданно оказались в замке и сразу учинили жестокую расправу...

– Как неожиданно? – прервала она. – Это не был штурм? Патрик покачал головой:

– У Саксона было достаточно людей, чтобы отразить любой штурм. Да и справиться с теми, кто остался... а осталось не так уж и много. После вашего внезапного... убийства все постепенно разъехались. Но кто-то предал... иначе как вошли незамеченными среди ночи, когда на стенах только караульные, да и те не дремали?.. Саксон даже в постели не расставался с мечом, из-за чего над ним смеялись. Зато теперь уложил троих, а потом раненый куда-то уполз. Остальные же почти все погибли в постелях. Потом замок начали грабить, мне удалось улизнуть...

– Правильно сделал, – похвалил я. – Остаться и погибнуть в схватке – это красиво, кто спорит, но куда важнее было предупредить нас. Иначе мы попали бы в ловушку. Ты спас жизнь своей госпоже, Патрик! Ну, заодно еще и нам, что для тебя не так и важно, но что-то значит для нас.

Он посмотрел на меня со смешанным чувством, еще не зная, ненавидеть за узурпаторство или же поблагодарить за спасение. Ничего не придумав, закрыл глаза и сделал вид, что потерял сознание. А может быть, и в самом деле потерял.

За этим небольшим леском, как я помню, откроется грандиозная панорама ухоженных деревень и замка на холме. Я велел слезть с коней и расположиться на отдых. И запретил строго-настрого приближаться даже к опушке, чтобы из замка не увидели отблески на блестящих доспехах.

Из-за деревьев я наблюдал за притихшим замком, приближая изображение до головокружения и тошноты. Донжон, две башни и обе стены выглядят целыми и неповрежденными, но иначе и быть не могло: не землетрясение же вторглось, а всего лишь ублюдок граф Хоффман, который ограничится тем, что изнасилует женщин, сдавшихся мужчин заставит присягнуть себе, а своих верных людей поставит охранять ворота и все подступы к замку.

Хуже то, что подъемный мост опущен, а ворота распахнуты. Прежде всего это говорит о том, что граф готов померяться силами с нападающими. Это не значит, конечно, что всем позволят войти: как только десяток нападающих вбегут в ворота, решетка тут же рухнет, ворвавшихся перестреляют со стен из арбалетов и луков, а оставшихся по ту сторону стены забросают камнями, зальют горячей смолой, попросту перебьют из луков, пользуясь преимуществом в численности.

Замок на каменистом холме подсвечен заходящим солнцем, весь как из червонного золота, торжественный и красивый. И очень тихий, даже стяг графа Хоффмана на верхушке

главного здания не шевелится, обвис тряпкой.

– Затих, – сказал за моей спиной сэр Макс. – Ждет.

– Нас? – спросил я.

– Может, и нас. Хотя вряд ли... Здесь такая драчка начнется за кресло верховного лорда...

Я подумал, покачал головой:

– Вряд ли здесь.

– Почему?

– Здесь решалось, – объяснил я, – когда леди Беатрисса была на месте. Все условились, что кого выберет, того и признают хозяином всех ее необъятных земель. А сейчас, вон Патрик рассказал, что многие лорды сразу же начали покидать замок.

– Полагаете...

– Да, – сказал я, – все спешат в свои владения. Кто начнет укреплять оборону в ожидании смутного времени, а кто и попробует половить рыбку... Но этот замок нам все равно нужен.

Он посмотрел на меня с уважением:

– У нас мало людей. Полагаете, сумеем захватить?

– Не сомневаюсь, – ответил я. – Придумать бы, как.

За спиной зашелестели легкие шаги, словно приближается танцующим шагом лесная балерина. Я оглянулся на леди Беатриссу.

– Тревожно? Успокойтесь, это дело мужчин. Набирайтесь сил. Как там ваш драконьш?

– Это и ваш, – ответила она сухо. – За ним присматривает сэр Будакер. Меня сейчас тревожит моя дочь. Конечно, я не думаю, что граф Хоффман может причинить вред ребенку, но все-таки...

– Да-да, – сказал я торопливо, а Макс часто-часто закивал, – никакого сомнения нет, вашей дочери ничего не грозит. Все-таки граф хоть и сволочь, но рыцарь, хоть и... гм...

Она вздохнула:

– Я понимаю, надо бы думать о замке, но у меня все мысли о дочери. Все-таки тревожно. Не успокоюсь, пока не увижу ее целой и невредимой.

Глава 11

Я до треска черепных костей вспоминал устройство замка, но ничего важного для нас припомнить не мог. Добротные стены, широкий и глубокий ров, заполненный водой до краев, подъемный мост, очень широкая привратная башня, надежные укрытия для стрелков, укрепленные связки бревен на верху стен... Плюс, конечно, сам донжон, похожий на обтесанную скалу.

– Леди Беатрисса, – сказал я тихонько, – что-то мне не верится, что в вашем замке нет подземных ходов.

Она вздрогнула, даже отшатнулась, глядя на меня с испугом.

– Что? Подземные ходы?

– Да, – ответил я ласково, – подземные.

– Кто вам такую чушь сказал?

– Сам придумал, – похвалился я. – По чуши я всегда самый первый. И самый главный. Так как насчет подземных?

Она покачал головой:

– Никаких подземных ходов в моем замке нет.

Голос звучал твердо, чересчур твердо. Я вздохнул, посмотрел на замок, леди Беатрисса тоже смотрела на его высокие башни.

– Жаль, – ответил я. – Очень жаль. Тогда нам придется вернуться. Одно дело въехать в замок, ворота которого от-

кроются перед вами, другое – штурмовать с двадцатью человеками стены, которые защищают двести человек. Ну пусть сто.

Она прошептала потерянно:

– Возвращаться?

Вид у нее был настолько жалобный, что я едва не схватил ее в объятия, однако заставил себя сказать холодно:

– Оставаться здесь нельзя. Во-первых, такими силами замок не взять, даже вам это видно. Во-вторых, нас скоро обнаружат. В-третьих, вы, по сути, на враждебной территории. Ночью придется отбиваться от троллей, а днем ожидать нападения войск графа. А следующей ночью – уже и тролли, и граф...

Она угрюмо молчала, я пожал плечами и направился к костру, откуда вкусно пахнет жареной олениной. Но едва сделал два шага, за спиной послышался голос:

– Сэр Ричард...

Я обернулся, она смотрела мне в лицо умоляющими глазами.

– Да, леди Беатрисса.

– Ход есть, но он не поможет. Слишком узкий, чтобы прошли рыцари в полных доспехах. И кроме того...

Она заколебалась, я спросил:

– Какие-то знаки?

– Вы проникательны, сэр Ричард. Только я могу пройти... Или любой из нашего рода. Под остальными провалит-

ся пол.

Я подумал, спросил:

– Только вы можете пройти или вы можете провести?

Она замолчала, наконец сказал нерешительно:

– Не знаю...

– Просто не пробовали?

– Но ход ведь тайный! Кто бы стал водить чужого?

– Логично, – согласился я, – но нет выбора. Либо мы с вами попробуем пройти...

– Мы? Вдвоем?

– А как иначе? – спросил я. – Если смогу пройти и я, то проведу и отряд. Придется нам с вами прогуляться туда-сюда. Не волнуйтесь, мы только дойдем до конца, и сразу назад. Как только увижу, что дальше двор. Или выход в башню, неважно.

Она вздрагивала, зябко куталась в мой плащ, глаза смотрели умоляюще. Я отводил взгляд. Ничего больше в голову не лезет, хотя, если подумать и рискнуть...

Я поужинал вместе со всеми, вспоминая все, что мог, про оборону и осаду замков. Этот построен правильно, а это значит, что его не взять штурмом. Даже, если бы у меня было огромное войско. Да и вообще штурмовать с помощью лестниц – глупо и самоубийственно, это возможно только, если напасть большими силами со всех сторон, на потери наплевать, а в замке чтоб было всего несколько человек, которые устанут бегать по верху стен и отпихивать лестницы.

Но реальность такова, что у штурмующих практически никогда не бывает достаточного войска для штурма, а у защищающихся не бывает достаточно защитников. Я помню из уроков истории, что в 1216 году в замке Одихейм всего три рыцаря и десять простых воинов неделю удерживали непрекращающийся штурм французских войск. Обычный замок Пембрук защищали два конных рыцаря и десять пеших, в замке Конвей было пятнадцать профессионалов и еще пятнадцать удалось привлечь из местных, а в Варкворте, особо важной крепости на шотландской границе, было двенадцать воинов. Кстати, Конвей контролировал только что подчиненный и все еще не смирившийся Северный Уэльс, так что тридцать человек в замке – это сила, способная противостоять целому краю.

Но, как говорят, если не помогает волчья шкура – одевай лисью. Что не берут грубой силой, иногда удается взять хитростью, ловкостью, нестандартным ходом. Еще иногда удается выиграть благодаря магии, хотя обычно равные по силе маги отыскиваются и на другой стороне... К тому же и магам проще обороняться, чем их собратьям нападать.

Закончив с обедом, я поднялся.

– Отдыхайте, – велел я, – ждите!

Похлопав Зайчика по шее и почесав Бобика, я быстрым шагом направился из леса в сторону замка. Сэр Макс испуганно вскрикнул:

– Сэр Ричард! Вас утыкают стрелами...

– Я так близко не подойду, – заверил я.

– Но не стоит, чтобы про нас узнали так сразу...

– Меня не увидят, – сказал я.

Впереди полоса густого и довольно высокого кустарника, я раздвинул зеленые ветки, сделал несколько шагов, вот теперь меня не видят как из замка, так и из леса, сосредоточился и принял личину исчезника. Минута тошноты, потеря ориентации в пространстве, затем проступили перед глазами зеленые ветки, я осторожно прошел в одну сторону, выглянул, это дорога обратно, вернулся и, выйдя из зеленых зарослей, пошел к замку.

Надо еще следить, чтобы не по густой траве. Кто-то может обратить внимание, что она почему-то сминается под невидимыми ступнями. Даже по гальке шел так, чтобы не слишком сдвигать ее с насиженных гнезд.

На краю рва я постоял, темная вода недружелюбно плещется у самых ног. Шагах в десяти через ров перекинут мост, пройдут четверо всадников ряд в ряд. Крепкий и надежный, но когда я представил себе, что ступаю по этим доскам, по спине пробежали холодные мурашки.

На всякий случай приблизился как можно осторожнее, холод усиливался до тех пор, пока не начал колоть, словно крохотными сосульками. Кто-то сумел наложить на мост сильнейшее заклятие. Не знаю, что произойдет с тем, кто вступит непрошенным, но проверять не хочется. Личина исчезника не спасает от ловушек, как не спасает от нюха собак

и пристального взора колдунов.

Через поднятую решетку ворот я наконец рассмотрел ку-сочек внутреннего двора. Дважды прошли закованные в гру-бое железо люди, один раз пробежал слуга с деревянной ба-дьей в руках.

Я обошел замок со всех сторон, всматривался в землю и внюхивался, смотрел тепловым зрением и старался почув-ствовать себя лозоискателем, что чует в земле пустоты. Увы, увидел и вынюхал много разного, но только не подземный ход.

На обратном пути я вышел из опасной личины там же, в кустарнике, к своим подошел уже в привычном для них об-лике молодого сеньора с задумчивым взором и выпяченной вперед нижней челюстью.

Рыцари встретили вопрошающими взглядами. Я покачал головой.

– В замке все так же. Без изменений. Что значит, захвати-ли изнутри и внезапно.

Леди Беатрисса подошла печальная и притихшая. Глаза ее полны страха и тревоги.

– Не рискуйте так, сэра Ричард.

– Я только посмотрел, – сказал я, – издали. Увидел много, но не то, что хотел.

– Тайные ходы?

– Вообще-то, – признался я, – про тайные ходы знаю.

Один у вас в спальне, второй в кладовой северной башни, а третий... самый непонятный для меня, в кабинете вашего покойного супруга.

Она ахнула:

– Даже три? Я про третий не знала!

– Три, – подтвердил я. – Но, увы, все либо в большой зал, либо в холл. Нам же нужен за пределы замка. Не сомневаюсь, что такой есть. Если уж сделали эти, менее нужные, то за пределы замка – необходим жизненно.

Она покачала головой.

– К сожалению... Если бы такой ход был, разве мне было бы неизвестно?

– Конечно, – сказал я с убеждением. – Кто же доверит тайну женщине? Пусть и жене?.. Жена может быть чьей-то любовницей. Я не имею в виду вас, леди Беатрисса, какая из вас любовница, но вы понимаете...

Она оборвала:

– Понимаю. Но тем не менее, как я уже говорила, я не знаю про такой ход.

Я развел руками:

– Тогда застрянем здесь надолго. Отдыхайте, леди Беатрисса. Мне надо еще немного пройтись по свежему воздуху.

Запоздало подумал, что с ее обостренной обидчивостью и это истолкует как оскорбление, но возвращаться и объяснять, что я вовсе не имел ввиду, что она жутко пердит, она вовсе не пердит, а если и пердит, то совсем не слышно, а вме-

сто вони – аромат, просто такой оборот речи у людей, а я все-таки тоже человек, хоть и лорд, пошел по лагерю, прислушиваясь к разговорам, затем вышел на опушку, долго всматривался в замок и наконец вернулся в лагерь.

Еще когда я был только гостем леди Беатриссы, обратил внимание на заброшенную кладовую рядом с винным погребом. Мне тогда показалось странным, что помещение забито разным хламом, настолько никчемным что никакой вор не позарится, давно бы пора выбросить. Особо осматриваться там не стал, но заметил, что в одной из стен за камнями ощущается пустота. Конечно, ее мог уловить только я или хорошо обученный пес, но тогда я обратил на это внимание и забыл, сейчас же вспоминал так и эдак, а вдруг именно там ход, который выводит за пределы замка. Тогда понятно, почему его так хитро замаскировали... Однако все равно неизвестно главное: где выход. Нам не из замка бежать, а туда как-то влезть...

Леди Беатрисс подошла, села рядом и невесело усмехнулась:

– Похоже, я сумела за последние три месяца укрепить замок лучше, чем де Бражеллен сделал за несколько лет. Нет, вовсе не потому, что я лучше, просто он редко бывал дома...

– Весь в нападении, а не в защите?

– Верно, – сказала она с благодарностью. – А я занялась защитой замка.

Я сказал с неудовольствием:

– К сожалению, леди Беатрисса, вы преуспели. Я даже не знаю, каким заклятием защищен мост, но чем-то очень подлым и зловещим. Граф Хоффман, похоже, не очень полагается на силу мечей, за его спиной нехилая магия.

– Это не я, – ответила она быстро. – Я не защищала магией... Да и мой маг, вы же с ним общались, он совсем не чернокнижник...

Я посмотрел на небо, солнце уже закатилось, облака ползут плотные, угрюмые. Если луна и высунется, такую толщину не пробьет, что в моем случае весьма, весьма.

– Ложитесь, – посоветовал я. – Утро вечера мудреней, как говорят мудрецы.

– Такое утро добрым не бывает, – ответила она невесело.

– Будет, – пообещал я как можно увереннее, так обещают детям, что завтра с утра заставят солнышко проснуться и вылезти из норки. – Правда, будет.

Деревья, что загораживают нас от замка, превращаются в темную стену, а та все чернеет, хотя солнце только что опустилось за край земли. В лесу всегда темнеет быстрее, понятно.

Пронеслась бесшумно сова, только воздух колыхнулся у лица. Летучие мыши, как вечерние призраки, косо и страшно мечутся в теплом воздухе, ловят нечто, смачно хрустят, иногда выплевывают изжеванные надкрылья жуков.

Черные тени от деревьев слились там на равнине и зато-

пили мир. Костер освещает только ветки ближайшего дерева: на всякий случай его развели в яме, чтобы отблески не насторожили людей в замке.

– Наблюдайте, – повторил я в который раз Макс. – Мыслитель из меня хреновый, планы строить не умею. А если построю, то это гарантия, что все рухнет и рассыплется. Иногда мне кажется, что лучший на свете стратег – Сатана, а вот Господь Бог – великий импровизатор. Ну а так как мы по образу и подобию...

Они слушали, слегка прибалдев, мне бы очковой змеей работать, но не той, которую выгоняют глистогонным, а опасной боевой змеей, что гипнотизирует.

– Сэр Ричард, – осторожно спросил Макс, – а чего нам ждать?

– Не знаю, – огрызнулся я. – Вы тоже... будьте готовы к импровизации. Если ничего необычного не заметите, сидите тихо. Если что-то начет происходить... реагируйте.

– Как?

– По обстановке, – отрезал я. – По обстановке, сэр Макс!

Я отступил в темноту, вошел в кусты и напялил личину исчезника. Дальше пошел быстро и целенаправленно, преодолел пустое пространство между лесом и замком, тот на фоне звездного неба растет огромный и подавляющий темным величием, на валу остановился, высматривая, затем медленно опустился в холодную, как жидкий лед, воду. Главное – идти очень медленно, чтобы не хлопнуло. Жуткое по

беспомощности чувство, когда молишься всем существом, чтобы луна не вылезала из-за туч, чтобы крошечная тьма здесь внизу длилась и длилась...

Удалось так же тихо выбраться на ту сторону рва. Луна выглянула и снова скрылась. Я выбрал момент, когда на стене поблизости никого, все чувства обострены так, что могу порезаться, зашвырнул вверх веревку с привязанной толстой палкой. Палку я на всякий случай заранее обвязал тряпками, чтоб не слышно было стука, и едва ощутил, что зацепилась прочно, торопливо полез вверх, кляня себя за то, что узлы навязал недостаточно толстые.

Не понимаю, как по веревкам взбираются в мгновение ока, я лез, лез, лез, и хотя стена на самом деле совсем не Эверест, мне казалось, что я муха на стене Эмпайр. Наконец, ухватился руками за верх, но тут стражник на стене развернулся и пошел обратно.

Я стиснул зубы и остался висеть, зацепившись ногами за веревку, а руками за холодный камень. Стражник шел медленно, надо мной даже остановился чуть, я подумал, что если вздумает помочиться мне на голову, то я же не зеленый берет, который позволит над собой такое надругательство во имя скрытности, я этого гада сброшу со стены, как только развяжет веревку на штанах...

К счастью для обоих, стражник прошел дальше. Я втянул себя на верх стены, быстро переполз чуть левее, где с внутренней стороны ступеньки шли вниз, как можно тише спу-

стился и вздохнул с облегчением в глубокой тени, двор я знаю как свои пять пальцев.

Хорошая охрана на воротах, вверху и внизу, на стенах, и почему-то несколько воинов с оружием наголо сидят у башни, в которой была моя спальня. Я подкрался ближе, треск костра мешает расслышать, я сосредоточился, отсекая лишние слухи, а тут еще из окон и распахнутых дверей в главное здание несется бодрый рев мужских глоток.

У входа в башню четверо могучего сложения стражей. Двое отдыхают, двое на ногах, я видел, как время от времени поднимают головы, прислушиваются.

– У него пять жизней, что ли, – пробормотал один из тех, что на ногах. – Я же сам всадил ему нож в бок!.. А он развернулся и, не отскочи я, убил бы...

– Зато снес голову Корригану, – возразил второй.

– А что, – сказал первый обидчиво, – я должен был подставить свою голову?

– Да лучше бы твою, чем Корригана!..

– А чем он лучше? Пил больше?

– Я у него всегда в кости выигрывал! А ты хитрый жмот...

– Тихо!

Все четверо застыли, мне тоже послышался очень высоко какой-то шорох. Некоторое время стражи прислушивались, наконец один выдохнул с облегчением:

– Почудилось... Скорее бы смена!

Другой сказал саркастически:

– Боишься, что он выбежит и всех нас порубит?

– Не боюсь, – ответил второй, – но у этой башни дурная слава. Тут люди то появлялись из ниоткуда, то исчезали...

– Да брось! Этот Саксон уже лежит, подыхает от ран. Если уже не подох.

– Так пойд и проверь, – предложил один из тех, кто сидел на лавке. – Можешь даже сказать хозяину, что это ты его убил. Граф даст обещанную награду.

– Сам проверяй, – огрызнулся первый.

Глава 12

Я выудил из кармана монету, щелчком отправил в темноту. Она звонко запрыгала по булыжникам. Все четверо насторожились тут же повернули головы.

Наконец один пробормотал:

– Что это было?

Они переглянулись, наконец самый решительный взял из костра головню и пошел в ту сторону, откуда донесся и затих звук. Вернулся он довольно скоро, морда обалдевая, на ладони золотая монета.

– Здорово, – прошептал кто-то. – Не зря говорят, что тут по ночам Древние развлекаются...

– Древние?

– Ну, тени Древних...

Еще один вытянул голову.

– Дай я попробую на зуб!

– Ну да, – сказал счастливец, – потом отбери у тебя! А на зуб я сразу попробовал. Думаешь, я зря пошел? Я по звяку золото отличу от чего угодно.

Я выждал, еще две монеты отправил щелчком еще дальше. Прислушивались одно мгновение, затем двое разом бросились в темноту. Остальные ждали, вытягивали шеи. Я видел отчетливо, как те двое вслепую шарят, факелами водят по булыжникам, хотя мне отсюда видно, где затаились мо-

нетки. Первую нашел снова тот же, что решился на поиск в одиночку, он чуть было не ухватил и вторую, но другой успел чуть раньше.

Вернулись с торжеством, второй громко рассказывал, как этот гад чуть было не заграбастал все три монеты, вот же сволочь пронырливая. Монеты рассматривали жадно, уже прикидывали, как истратят. Я выждал, когда ажиотаж достигнет сарая, или апогея, не помню, бесшумно вытащил остальные, их штук пять-шесть. Размахнулся и с силой отправил над поверхностью вымощенного булыжником двора, чтобы подскакивали, как «блинчики» над водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.